

Станюкович Константин Михайлович

Грозный адмирал

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

ГРОЗНЫЙ АДМИРАЛ

Повесть

I

Лишь только кукушка на старинных часах в столовой, выскочив из дверки, прокуковала шесть раз, давая знать о наступлении сумрачного сентябрьского утра 1860 года, как из спальни его высокопревосходительства, адмирала Алексея Петровича Ветлугина, занимавшего с женой и двумя дочерьми обширный деревянный особняк на Васильевском острове, раздался громкий, продолжительный кашель, свидетельствующий, что адмирал изволил проснуться и что в доме, следовательно, должен начаться тот боязливый трепет, какой, еще в большей степени, царил, бывало, и на кораблях, которыми в старину командовал суровый моряк.

Услыхав первые приступы обычного утреннего кашля, пожилой камердинер Никандр, только что приготовивший все для утреннего кофе адмирала и стороживший в столовой его пробуждение, стремглав бросился бегом вниз, на кухню, сиявшую умопомрачительной чистотой и блеском медных кастрюль, в порядке расставленных на полках, - и крикнул повару Лариону:

- Встает!

- Есть! - по-матросски отвечал Ларион, внезапно засуетясь у плиты, на которой варились кофе и сливки, и уже облеченный в белый поварской костюм, с колпаком на голове.

- Хлеб, смотри, не подожги, как вчера! - озабоченно наставлял Никандр. - А то сам знаешь, что будет.

Круглолицый молодой повар Ларион, крепостной, как и Никандр, накануне воли, отлично знал, что будет. Еще не далее как вчера он обомлел от страха, когда его позвали наверх к адмиралу. Однако дело ограничилось лишь тем, что адмирал молча ткнул ему под нос ломтем подгоревшего хлеба.

- Не подожгу... Вчера, точно ошибся маленечко, Никандра Иваныч... Передержал.

- То-то, не передержи! Да чтобы сливки с пылу! Через десять минут надо подавать. Не опоздай, смотри!

С этими словами Никандр выбежал из кухни, забежал в свою каморку, чтобы взять платье и на диво вычищенные сапоги адмирала, и вернулся в комнаты. В столовой он снова озабоченно осмотрел стол - все ли в порядке, оглядел пол - нет ли где пыли, и затем, отворив осторожно двери, прошел через кабинет в маленькую, уже опустевшую спальню и, поставив сапоги и сложив бережно платье, стал дожидаться с простыней в руках, когда его кликнут для обычного обтирания после холодной ванны, которую адмирал брал ежедневно.

Этот Никандр, которого прочие слуги в доме звали Никандрой Ивановичем, служивший при адмирале безотлучно и в море и на берегу в течение двадцати лет, был сухощавый и крепкий человек лет под пятьдесят, с смышленным, несколько мрачным лицом. Гладко выбритые щеки и подбородок и коротко остриженные волосы придавали Никандру военный вид. Человек он был несообщительный, исправный до педантизма и проворный, как и все слуги адмирала, не терпевшего медлительных движений. Вышколенный барином и до сих пор сохранивший знак этой "школы" в виде надорванного правого уха, в котором блестела сережка, хорошо изучивший характер и привычки Ветлугина, Никандр сумел так приспособиться к грозному адмиралу, что тот гневался на своего камердинера относительно редко и, по-своему, благоволил к нему. Да и не за что было и придраться к Никандру - до того он был исправен и безукоризнен в исполнении своих обязанностей. Вся его жизнь была, так сказать, поглощена одним адмиралом, заботами, чтобы все было сделано вовремя, чтобы в комнатах была чистота, напоминающая чистоту корабельной палубы, и неодолимым, вечно напоминающим о себе, страхом адмиральского гнева. Казалось, лично о себе Никандр и не думал и собственных интересов не имел, а существовал на белом свете исключительно для адмирала. И только в последнее время, когда слухи о воле стали настойчивее, на сдержанном мрачном лице Никандра появлялось по временам какое-то загадочное выражение не то радости, не то недоумения.

Он неизменно просыпался в пять часов утра, всегда с тревожной мыслью: не проспал ли? Торопливо одевшись, Никандр в своем затертом гороховом сюртуке и в мягких войлочных башмаках начинал мести комнаты и что-нибудь убирал или чистил вплоть до полудня. С полудня он неизменно облакался в черную пару и снова находил себе работу до обеда, когда вместе с другим слугой подавал к столу. Затем он убирал серебро и посуду (все было у него на руках и под его ответственностью), подавал чай и успокаивался только в одиннадцать часов, когда адмирал обыкновенно ложился спать, и все в доме облегченно вздыхали. Тогда Никандр уходил в свою каморку (на половине адмиральши служил другой лакей) и, прочитав "Отче наш", укладывался на своей койке и засыпал, как и просыпался, опять-таки с тревожными мыслями, на этот раз о завтрашнем дне: о том, например, что надо завтра приготовить мундир, надеть ордена и звезды, сходить к портному, взять из починки старый адмиральский сюртук и доложить адмиралу, что запас сахара на исходе.

Прочие слуги в доме уважали и любили Никандра, и все звали его по имени и отчеству. Он был добрый и справедливый человек, нисколько не гордился своим званием камердинера и старшего слуги и хотя был требователен и, случалось, ругал за лодырство, но никогда не ябедничал и не подводил своего брата. Напротив! Бывало, что он являлся заступником и принимал на себя чужие вины.

Из ванной доносилось фыркание моющего адмирала. Затем слышно было, как он крякнул, погрузившись в холодную, прямо из-под крана, воду. Тогда Никандр, физиономия которого выражала сосредоточенное и напряженное внимание, пододвинулся поближе к двери в ванную. Мипуты через три оттуда раздался отрывистый, повелительный окрик: "Эй!" - и в ту же секунду Никандр уже был за дверями и, накинув простыню на мускулистое, покрасневшее мокрое тело вздрагивавшего высокого адмирала, стал сильно растирать ему спину, поясницу и грудь. Адмирал лишь от удовольствия покрывал и временами говорил:

- Крепче!

И Никандр тер во всю мочь.

Когда адмирал произнес наконец: "Стоп!" - Никандр быстро сдернул простыню, подал сорочку и вышел вон. Адмирал всегда одевался сам.

Через десять минут его высокопревосходительство, заглянув в кабинете, по морской привычке, на барометр и термометр, вышел в столовую в своем легком халате из цветной

китайки и в сафьянных туфлях, направляясь быстрой и легкой походкой к столу. Как большая часть моряков, адмирал слегка горбил спину.

Одновременно с его появлением в столовой Никандр подал на стол кофейник, сливки, ветчину и тарелку с ломтями белого хлеба, поджаренными в сливочном масле. Подставив адмиралу стул, камердинер отошел к дверям, и адмирал стал пить из большой чашки кофе, заедая его горячими "тостами" и холодной ветчиной. Пил и ел он с большим аппетитом и необыкновенно скоро, точно торопился, боясь куда-нибудь опоздать.

II

Несмотря на то что адмиралу стукнуло уже семьдесят четыре года, никто не дал бы ему этих преклонных лет - так еще он был полон жизни, крепок и молоджав. Высокий, плотный, но не полный, широкоплечий и мускулистый, он никогда в жизни серьезно не болел и пользовался неизменно могучим здоровьем. Он еще и теперь, несмотря на свои годы, взбегал без передышки на лестницы верхних этажей, исхаживал, не чувствуя усталости, десятки верст и летом в деревне скакал на коне, травя лисиц и зайцев.

Его продолговатое, сухощавое лицо, отливавшее резким румянцем, с зарубелой от долгих плаваний кожей, имело суровый, повелительный вид. В нем было что-то жесткое, непреклонное и властное. Сразу чувствовался в адмирале человек железной воли, привыкший повелевать на палубе своего корабля. Его небольшие серые глаза, с резким и холодным, как сталь, блеском, глядели из-под нависших, чуть-чуть заседевших бровей с выражением какого-то презрительного спокойствия старого человека, выдавшего на своем веку всякие виды и знающего себе цену. Высокий его лоб был прорезан морщинами, и две глубокие борозды шли по обеим сторонам прямого, с небольшой горбиной, носа; но тщательно выбритые щеки, казалось, не поддавались влиянию времени: они были свежи, гладки и румяны. Густые светло-каштановые волосы на голове, подстриженные, как требовала форма, едва серебрились, и только короткие колючие усы были совсем седые. Прическу адмирал носил старинную: небольшой подфабранный кок возвышался над серединой лба, как петуший гребень, а виски прикрывались широкими, вперед зачесанными, гладкими прядками.

В свое время Ветлугин был лихим капитаном, и суда, которыми он командовал, всегда считались образцовыми по порядку, чистоте, железной дисциплине и "дрессировке" матросов. У него, как любовно говорили старые моряки, были не матросы, а "черти", делавшие чудеса по быстроте и лихости работ. Но даже и в давно прошедшее жестокое время, когда во флоте царили линьки и зверская кулачная расправа считалась обязательным элементом морского обучения, Ветлугин выделялся своею жестокостью, так что матросы называли его между собою не иначе, как "генерал-арестантом" или "палачом-мордобоем". За малейшую оплошность он наказывал беспощадно. Офицеры боялись, а матросы положительно трепетали грозного капитана, когда он, бывало, стоя на юте и опершись на поручни, зорко наблюдал, весь внимание, за парусным учением.

И матросы действительно работали как "черти", восхищая старых парусных моряков своим, в сущности ни к чему не нужным, проворством, доведенным до последнего предела человеческой возможности. Еще бы не работать подобно "чертям"! Матросы знали своего командира, знали, что если марсели на учении будут закреплены не в две минуты, а в две с четвертью, то капитан, наблюдавший за продолжительностью работ с минутной склянкой в руках, отдаст приказание "спустить шкуру" всем марсовым опоздавшего марса. А это значило, по тем временам, получить от озверевших боцманов, под наблюдением не менее озверевшего старшего офицера, ударов по сту линьком короткой веревкой, в палец толщины, с узлом на конце.

Почти после каждого ученья на баке корабля производилась экзекуция десятков матросов.

Виноватый спускал рубаху и, заложив за голову руки, становился между двумя боцманами; те по очереди, с расстановкой, били несчастного линьками между лопатками. Матрос, с бледным от страдания лицом, при каждом ударе беспомощно изгибая спину, вскрикивал и стонал. Синева выступала на теле, и затем кровь струилась по истерзанной обнаженной спине.

Разумеется, не всем бесследно проходили подобные наказания. Многие после трехмесячного плавания под командой "генерал-арестанта" заболевали, чахли, делались, по выражению того времени, "негодными" и, случалось, провалявшись в госпитале, умирали. Никто об этом не задумывался и менее всего Ветлугин. Он поступал согласно понятиям времени, и совесть его была спокойна. Служба требовала суровой муштровки, "лихих" матросов и беззаветного повиновения, а жестокость была в моде.

Этот же самый Ветлугин, спокойно, с сознанием чувства долга "спускавший шкуры" с людей, в то же время неустанно заботился о матросах: об их пище, обмундировании, частных работах, об их отдыхе и досуге. Боже сохрани было у него на корабле потревожить без крайней необходимости команду во время обеда или ужина или в то время, когда она, по судовому расписанию, отдыхает. Он запарывал шкиперов, баталеров и каптенармусов, если замечал злоупотребления. Отдача под суд грозила ревизору, если бы Ветлугин заметил, что матроса обкрадывают. Он презирал казнокрадов и, сам до щепетильности честный, никогда не пользовался никакими, даже и считавшимися в те времена "безгрешными", доходами в виде разных "экономий" и "остатков". Все эти экономии и остатки шли на улучшение пищи и одежды матросов. У него в экипаже* матросы всегда были щегольски одеты, ели отлично, имели и на берегу по чарке водки и получали на руки незначительные деньги в добавление к своему скудному жалованью. В этом отношении Ветлугин был безупречен.

* Экипаж флотский - то, что в армии полк. - П р и м.

а в т о р а.

Точно так же он не терпел nepoтизма и никогда ни о чем не просил даже за своих сыновей. Старшего своего сына, моряка офицера, служившего на эскадре, которой, уже адмиралом, командовал Ветлугин, он так допекал, был до того к нему строг и придирчив, что сын просил о переводе в другую флотскую дивизию, чтобы только не быть под начальством грозного адмирала-отца. Если он и просил за сыновей, то для того только, чтобы им не мирволили и держали в ежовых рукавицах.

Прокомандовав в течение многих лет эскадрами, Ветлугин был, наконец, произведен в полные адмиралы и получил почетное береговое место в Петербурге.

В описываемое время адмирал Ветлугин давно был на покое и не плавал, перестав быть грозой во флоте. Ему уж не приходилось следить зорким напряженным глазом с подозрительной трубой в руках, со своего флагманского стопушечного корабля, за любимой своей эскадрой, шедшей в бейдевинд, под марсельями и брамсельями, двумя стройными колоннами, в составе нескольких кораблей и фрегатов, с легкими посылочными судами - шкунами и тендерами, плывущими, словно маленькие птички, по бокам гордых кораблей-лебедей, - не приходилось, говорю, следить за эскадрой, которой он только что приказал сделать сигнал: "Прибавить парусов и гнать к ветру!" Уж он не любит быстрое исполнение сигнала и не видит перед собою этих моментально окрылившихся всеми парусами кораблей, которые быстро понеслись по морю. Не видит он и этого совсем накренившегося тендера, под командою его сына, молодого лихого лейтенанта, - тендера, под всеми парусами несущегося к адмиральскому кораблю. Он пронесется под самой кормой адмирала и, получив на ходу приказание идти в Севастополь, мастерски делает крутой поворот и, чертя бортом воду,

мчится, словно чайка, скрываясь от глаз по обыкновению на вид сурового, но в душе довольного адмирала-отца.

Да, ничего он этого не видит, да и не на что теперь смотреть! Парусным судам подписан смертный приговор, и уже паровые корабли плавают в море, попыхивая из труб черным густым дымом, оскорбляющим мысленный взор старого "парусника", презрительно называющего новые суда "самоварами", благодаря которым исчезнут будто бы настоящие лихие моряки и "школа".

Теперь адмиралу приходилось лишь вспоминать прошлое в тиши своего кабинета или с такими же представителями старой эпохи, как он сам, стариками адмиралами, слегка фрондируя и презрительно подсмеиваясь над новыми порядками и реформами, введшимися во флоте в то время общего преобразовательного движения, охватившего Россию вслед за Крымской войной.

Старый адмирал чувствовал, что песня его спета бесповоротно и что на свете свершается нечто для него неожиданное и не совсем понятное. Все незыблемые, казалось, устои колебались. Освобождение крестьян было на носу. Отовсюду веяло чем-то новым, каким-то духом свободы и обновления. Во флоте собирались отменить телесные наказания. В "Морском сборнике", которого адмирал был подписчиком, печатались диковинные статьи: о свободе воспитания, о необходимости реформ, причем осмеивались старые морские порядки и выражалось негодование на жестокое обращение с людьми. Мичмана, казалось адмиралу, уже не с прежней почтительностью отдадут ему честь при встрече. Адмирал был несколько ошеломлен, но не смирился перед требованиями времени.

Его особняка на Васильевском острове, по-видимому, несколько не коснулась новая жизнь. Там он по-прежнему оставался грозным адмиралом, считая свою квартиру чем-то вроде корабля. Он сделался еще суровее, по-прежнему не удостоивал никого из семьи разговором, предпочитая подчас лучше жестоко скучать в одиночестве, чем потерять тот престиж страха и трепета, который внушал он всем своим домочадцам. И все они по-прежнему продолжали трепетать перед грозным адмиралом.

Один лишь младший сын Сережа, семнадцатилетний юноша, кончавший курс в морском корпусе, вселял в адмирале по временам некоторые подозрения. Старику казалось, что этот "щенок" в последнее время не так испуганно и поспешно опускает свои быстрые черные глаза под суровым взглядом адмирала и что будто бы в глазах "мальчишки" скользит какая-то неуловимая улыбка.

Перед суровым взором адмирала до сих пор смиренно опускают глаза, чувствуя невольный страх, и жена и все дети, начиная с первенца, почтенного женатого капитан-лейтенанта, украшенного орденами, и вдруг этот "щенок" с черными глазами как будто оказывает строптивость!

И грозный адмирал делал вид, что не замечает "щенка", когда тот приходил по праздникам из корпуса, хотя и зорко следил за ним во время обеда, сурово хмуря брови и готовый придраться к чему-нибудь, чтобы "разнести" своего Вениамина, олицетворявшего в глазах адмирала ненавистный ему "новый дух".

III

Адмирал выпил свои две большие чашки кофе, поднялся и, заложив за спину руки, стал ходить по столовой своей обычной быстрой, живой походкой. Убиравший со стола Никандр заметил, что адмирал часто вздергивает плечами и по временам издает отрывистые звуки, точно прочищает горло, - значит, он не в духе, - и Никандр спрашивал себя: отчего это? Уж не узнал ли он, сохрани бог, что Леонид Алексеич (третий сын адмирала, кавалерийский офицер) кутит и играет в азартные игры? Об этом Никандр прослышал от лакея Леонида

Алексеича и сокрушался за молодого барина, зная, что добра не будет, если адмирал как-нибудь узнает про это. Или не заметил ли барин вчера, что на половине барыни гости оставались после одиннадцати часов? Или уж не из-за Варвары ли дело? Не встретил ли он кого-нибудь у новой своей сударки?

Не разрешив, однако, причины дурного настроения адмирала, Никандр пошел убирать кабинет и спальню. "Ужо будет гроза!" - подумал старый камердинер, мрачно вздыхая.

К семи часам повар Ларион уже стоял у дверей, выжидая, когда барин обратит на него внимание. Он, наконец, обратил и, приблизившись к повару, который низко поклонился и затем замер, вытянув руки по швам, быстро, точно и ясно заказал обед (адмирал распорядился всем в доме сам) и крикнул:

- Понял?

- Понял, ваше высокопревосходительство!

Затем адмирал, по обыкновению, осведомлялся: что сегодня готовят для людей? (Для людского обеда было недельное расписание на каждый день.) Ларион доложил, что кислые щи с говядиной и пшенная каша с маслом. Тогда адмирал шел в кабинет, доставал из письменного стола деньги и, возвратившись, неизменно говорил суровым тоном, подавая повару деньги:

- Не транжирь... смотри!

- Слушаю, ваше высокопревосходительство! - так же неизменно отвечал Ларион и стоял как вкопанный, пока адмирал не говорил ему: "Пошел!" - или не делал соответствующего знака рукой.

Ровно в восемь часов, когда на военных судах поднимается флаг и гюйс и начинается день, адмирал уже был в сюртуке, застегнутый на все пуговицы. Маленькие остроконечные воротнички в виде треугольников торчали, из-за черного шелкового шейного платка, обмотанного по-старинному, поверх другого платка - белого. Одет он был всегда не без щегольства и любил душить.

Через четверть часа он неизменно шел гулять, несмотря ни на какую погоду, и, проходя в прихожую, обыкновенно спрашивал у Никандра, махнув головой по направлению к половине адмиральши:

- Спят?

- Точно так!

Адмирал недовольно крякал, надевал пальто и фуражку и выходил на улицу. Гулял он час или полтора, и всегда по Васильевскому острову. На набережной он иногда останавливался и смотрел, как грузятся иностранные пароходы, и, видимо, сердился, если работали тихо, сердился и уходил. При встречах хорошеньких женских лиц адмирал молодецкато приосанивался, и с лица его сходило обычное суровое выражение. К женщинам адмирал чувствовал слабость и, несмотря на свой преклонный возраст, был порядочным таки ловеласом. Когда он разговаривал с дамами, особенно молодыми и красивыми, глядя на него, нельзя было подумать, что это грозный адмирал. Он словно весь преобразился: был необыкновенно галантен, весел и разговорчив и очаровывал вниманием и любезностью. Недаром в свое время он пользовался большим успехом среди дам и смущал адмиральшу своими неверностями. Крайне воздержный вообще в жизни, - он почти не пил вина, не курил и ел умеренно, - адмирал имел лишь одну слабость: не мог равнодушно видеть хорошенькую женщину, особенно если у нее был, как он выражался, "красивый товар".

Возвратившись домой, адмирал спрашивал у Никандра: "Встали?" - и, получив ответ, что "изволили встать и кушают чай", проходил прямо в кабинет и проводил там все время до обеда, если не выезжал на службу или с визитами. Сперва он читал газеты "Times" и "С.-Петербургские ведомости", и читал их от доски до доски, хмурясь по временам, когда какая-нибудь статья возбуждала его неодобрение, что в последнее время случалось-таки часто. Покончив с газетами, он присаживался к письменному столу и в календаре делал краткие отметки и замечания, преимущественно критического характера, о новейших событиях и мероприятиях. Затем он просматривал "Морской сборник" или читал какую-нибудь историческую книгу, ходил по своему обширному, скромно убранному кабинету, по стенам которого висели превосходные английские портреты-гравюры Екатерины, Николая, Нельсона, Суворова и Румянцева, и таким образом коротал свое время. На половину адмиральши и двух дочерей-девиц, бывших институток Смольного монастыря, он заходил в каких-нибудь редких, исключительных случаях и с женой и с дочерьми встречался лишь за обедом или в гостиной, если приезжали гости, к которым адмирал выходил. Дочери никогда не осмеливались переступить порога его кабинета без зова, да и сама адмиральша входила туда, когда нужно было спросить денег, всегда со страхом.

Иногда к адмиралу заходил кто-нибудь из товарищей-адмиралов. Таких он принимал у себя в кабинете, приказывал подать марсалы и английских галетов, и угрюмый кабинет оживлялся. Старики выхваляли прошлые времена, бранили нынешний флот и удивлялись тому, "что нынче творится".

- Резерв какой-то сочинили... Многих вон... Слышал, Алексей Петрович?

- Слышал... А мальчишку назначают морским министром.

"Мальчишка" этот был пятидесятипятилетний вице-адмирал.

- Дожили! - иронически восклицал гость, сухенький, низенький старичок адмирал, известный во флоте своим обычным восклицанием перед товарищескими обедами: "Кто хочет быть пьян - садись подле меня, кто хочет быть сыт садись подле брата!"

- Не до того доживем! Пропадет наш флот!

Отведя свои души, адмиралы уславливались насчет преферанса завтра вечером, гость уходил, и старик снова оставался один.

В половине двенадцатого Никандр обязательно входил в кабинет и докладывал, что "проба" готова. Вслед за тем появлялся повар Ларион в белом костюме, в безукоризненно чистом колпаке на голове, с подносом, на котором в двух маленьких деревянных чашках была "проба" людского обеда. Этот обычай, существующий на военных судах, строго соблюдался и в доме адмирала.

Адмирал обыкновенно съедал полчашки щей, хлебая их деревянной ложкой, и отвеживал кашу. Если - что случалось редко - проба была нехороша, щи недостаточно жирны и мясо жилистое, адмирал несколько раз тыкал кулаком в лицо Лариона. Бледный, с подносом в руках, он только жмурился при виде адмиральского кулака и уходил иногда с разбитым в кровь лицом.

Сегодня щи были отличные. Адмирал, стоя, выхлебал почти всю чашку, отведал каши и, махнув рукой, сказал: "Обедать!"

В это время вся прислуга, как мужская, так и женская, должна была собраться в кухне: в комнатах оставался дежурный мальчик-казачок. На обед полагалось полчаса.

После завтрака адмирал присел было в кресло у окна и принялся за книгу, но ему не

читалось. Он нервно поднялся и заходил по кабинету, поводя плечами и сжимая кулаки.

Видимо, старик был не в духе.

IV

В это самое время в спальне у адмиральши шло совещание.

Адмиральша, высокая, полная, белокурая женщина, за пятьдесят лет, с кротким нежным лицом, сохранившим еще остатки замечательной красоты, советовалась с дочерьми: Анной, немолодой уже девицей около тридцати лет, и молоденькой и хорошенькой Верой, насчет покупки разных вещей к осени, необходимых для нее и для дочерей. Сумма выходила довольно крупная, и это пугало адмиральшу. У нее на руках не бывало денег; за каждым рублем приходилось обращаться к мужу, и надо было улавливать хорошее его настроение, чтобы получение денег обошлось без неприятных сцен.

Эта женщина, выданная по шестнадцатому году замуж за Ветлугина, которого до замужества она видела всего два раза, представляла собой редкий пример кротости, терпения и привязанности. Своей воли у нее не было - муж давно обезличил жену. И несмотря на всегдашнее его полупрезрительное отношение, несмотря на суровый его гнет, она продолжала боготворить мужа, как какое-то высшее существо, боялась и в то же время любила его с какой-то собачьей преданностью. Давно уже лишенная его супружеского внимания, она втайне ревновала, оскорблялась его частыми неверностями и посторонними связями, не смея, разумеется, заикнуться об этом.

После долгого совещания дамы решили пока ограничиться двумястами рублями. Адмиральша сейчас же пойдет в кабинет.

Подойдя к дверям кабинета, она заглянула в замочную щелку. Адмирал, только что переставший ходить, сидел за письменным столом. Адмиральша перекрестилась и тихо стукнула в двери. Ответа не было. Она постучала сильнее.

- Можно! - раздался резкий, недовольный голос.

- Здравствуй, Алексей Петрович! Прости, что беспокою! - проговорила адмиральша своим тихим, певучим, несколько дрожащим от волнения голосом, приближаясь к столу.

- Здравствуй!..

Адмирал протянул жене руку (они уж давно не целовались при встречах) и, не поднимая головы, резко спросил:

- Что нужно?

Адмиральша, говорившая всегда медленно, заторопилась:

- Анюте и Вере необходимы платья и башмаки. И у меня тальма совсем старая, ей уж шесть лет. Кроме того...

- Сколько? - перебил ее адмирал.

- Надо бы по крайней мере двести рублей, но если ты находишь, что это много, я могу и не делать тальмы.

На лице адмирала выразилось нетерпение. Он не выносил многословия, а адмиральша не умела говорить с морской краткостью.

- Короче, Анна Николаевна! Я спрашиваю: сколько?

- Двести рублей.

Адмирал вынул из стола пачку и, подавая жене, сказал:

- Сосчитай!

Та перечла и поблагодарила за деньги.

- Очень-то франтить не на что. Скажи им. Слышишь?

- Самое необходимое.

И спросила:

- Можно нам взять карету?

- Возьмите!

Адмиральша повернулась было, чтоб уходить, как адмирал вдруг сердито проговорил:

- Вчера... письмо... (Адмирал презрительно кивнул на лежавшее на столе письмо.) Вперед жалованье, а? Пишет: "Необходимо?!" Мотыга! Видно, на кутежи... на шампанское?!

Адмирал зашевелил усами и продолжал после паузы:

- Предупреди этого болвана, чтобы не смел писать, и скажи, что я ни копейки не буду ему давать, коль скоро он не перестанет мотать... Тоже принц... Кутить!

Адмиральша сразу догадалась, о ком идет речь, и, пробуя заступиться за своего любимца, робко и тихо промолвила:

- Я ничего не слыхала... Кажется, Леня...

- Не слыхала?! - перебил адмирал, передразнивая жену. - Не слыхала?! - повторил он, поднимая на адмиральшу злые глаза. - Ты ведь ничего не слышишь, а я не слыхал, а знаю?! Так скажи ему, когда он покажется, что на кутежи денег у меня нет... Слышишь?

- Я скажу, - совсем тихо проронила адмиральша.

- Не то я с ним поговорю... Необходимо?! Кую я, что ли, деньги? Скотина! - вдруг крикнул адмирал и стукнул кулаком по столу так громко, что адмиральша вздрогнула. - Я ему покажу форсить! На Кавказ в армию упрячу подлеца. Так и скажи... Ступай! - резко оборвал адмирал, отворачиваясь.

Адмиральша вышла испуганная, с тревогой в сердце. Этот Леонид в самом деле безумный. Вздумал писать отцу! Не один уж раз давала она потихоньку своему любимцу свои брильянтовые вещи, умоляя его не кутить, а он...

"Надо серьезно с ним поговорить. Отец исполнит угрозу?" - подумала адмиральша, не подозревая, какой страшный сюрприз готовит всей семье беспутный красавец Леня и какую штуку удерет сегодня Сережа - этот "непокорный Адольф", как шутя звали младшего сына мать и сестры за его речи, совсем диковинные в ветлугинском доме.

V

Перед самым обедом семья адмирала должна была собираться в гостиной.

Боже сохрани, если в это время Ветлугин заставал там какого-нибудь гостя, приехавшего с визитом и не догадавшегося уйти до появления адмирала в гостиной, то есть за пять минут до четырех часов. В таких случаях адмиральша сидела как на иголках, а дочери в страхе волновались, особенно если гость был мало знаком адмиралу, молод и из статских, к которым старый моряк не очень-то благоволил, называя их презрительно "болтливими сороками".

Увидав в гостиной постороннего, адмирал хмурил брови и недовольно крякал, еле кивая головой в ответ на поклон гостя. Он выжидал минуту-другую, затем вынимал из-за борта сюртука свою английскую, старинного фасона, золотую луковицу-полухронометр (хотя отлично знал время) и, взглянув на часы, говорил:

- Мы, кажется, обедаем в четыре!

Адмиральша и дочери краснели, не смея взглянуть на гостя. Тот, сконфуженный, вскакивал, рассыпаясь в извинениях, и, откланявшись, поспешно исчезал, порядочно-таки напуганный суровым моряком, и, случалось, слышал из залы резкий голос адмирала, спрашивающего у жены:

- Это еще что за нахал?

Адмиральша робко объясняла, что это камер-юнкер Подковин... Приезжал с визитом... Он очень хорошо принят у адмирала Дубасова и вообще...

- Женихов ловите? - перебивал старик, поводя на дам презрительным взглядом. - Этот ваш Подковкин - или как там его?.. хам! Засиживается до обеда. Чтоб я его больше никогда не видал! - резко обрывал Ветлугин.

И бедной адмиральше, очень любившей общество и большой охотнице поболтать всласть, особенно на романические темы, приходилось иногда отказывать знакомым, которые не нравились мужу, или же звать их в те вечера, когда адмирал бывал в английском клубе.

В этот день в гостиной, по счастью, чужих не было. К обеду явились сыновья Николай и Григорий, молодые офицеры, и Сережа, отпущенный из корпуса по случаю завтрашнего праздника.

В ожидании адмирала разговаривали тихо и остерегались громко смеяться. На всех лицах была какая-то напряженность. Один лишь Сережа, стройный, гладко остриженный юноша в кадетской форме, с живой, подвижной физиономией и бойкими черными глазами, похожий своей наружностью на мать, а живостью манер и темпераментом - на отца, о чем-то с жаром шептал любимой сестре Анне, которой он поверял все свои тайны и заветные идеи, юные и свежие, как и сам этот юноша, выросавший в эпоху обновления.

Анна слушала своего фаворита с выражением изумления и испуга на своем серьезном и добром лице и, когда Сережа остановился, тихо воскликнула:

- Ты с ума сошел, Сережа?

Юноша усмехнулся. Он с ума не сходил... Напротив, он за ум взялся... Он обдумал свое намерение и решил поговорить с отцом.

- Да разве он тебе позволит?

- Я постараюсь убедить его.

- Ты?! Папеньку?!

- Да, я! - задорно отвечал Сережа. - Он тронется горячей просьбой... Не каменный же он... Помнишь, Нюта, маркиза Позу? Подействовал же он на короля Филиппа?.. Ведь подействовал?

Но сестра, не разделявшая иллюзий юного маркиза Позы, с видом сомнения покачала головой.

- Ах, Нюта, как жаль, что ты не читала "Темного царства"! - снова заговорил вполголоса Сережа. - Прелесть! Восторг! Ты должна прочитать... Я тебе принесу "Современник"... Ты увидишь, Нюта, к чему ведет родительский деспотизм... У нас здесь то же темное царство, и вы все...

Сережа вдруг смолк, оборвав речь. Смолкли и другие разговаривавшие. В гостиную вошел адмирал, по обыкновению ровно за пять минут до четырех часов.

Все, кроме адмиральши, поднялись и поклонились. Адмирал кивнул головой, ни на кого не глядя, и заходил взад и вперед, поводя плечами и хмуря брови. Все снова уселись и заговорили шепотом. Эта атмосфера боязливого трепета, по-видимому, нравилась старому адмиралу, и он в присутствии семьи обыкновенно напускал на себя самый суровый вид и редко, очень редко удостоивал обращением к кому-нибудь из членов семейства.

- Ты видишь? Папенька сегодня не в духе! - шепнула Анна на ухо Сереже.

- Не в духе? Он у вас всегда не в духе... Самодур! А вы трепещете, как рабы, хоть и считаете себя людьми! - отвечал вполголоса Сережа, и его возбужденное лицо дышало презрением.

Анна громко кашлянула, чтобы отец не услышал Сережиных слов, и, умоляюще взглядывая на брата, сжала ему руку.

Адмирал покосился на Сережу, но, очевидно, не слышал, что он говорил. Он продолжал ходить по гостиной и, не обращая, казалось, ни на кого внимания, достал из кармана красный фуляровый носовой платок, высморкался и обронил его.

Гриша первый со всех ног бросился поднимать платок и подал его отцу с самой почтительной улыбкой, сиявшей на его красивом лице. Казалось, он весь был необыкновенно от этого счастлив. Голубые его глаза светились восторгом. Адмирал даже не поблагодарил молодого офицера, а как-то сердито вырвал у него платок и спрятал в карман.

Этот Гриша, или, как все его звали, "тихоня Гриша", был самый почтительный и, казалось, самый преданный сын, к которому адмирал ни за что и никогда не мог придаться. Тихий и рассудительный, исполнявший свои сыновние обязанности с каким-то особенным усердием, глядевший в глаза отцу и матери, сдержанный и скромный не по летам, он, несмотря на все свое добронравие и старание всем понравиться, не пользовался, однако, большой любовью в семье. И сам грозный адмирал, казалось, нисколько не ценил ни его всегдашней угодливости, ни его почтительно-радостного вида и был с ним резок и сух, как и с другими детьми, исключая первенца Василия, командира корвета, и двух старших замужних дочерей-генеральш.

- Наш-то "лукавый царедворец"! - шепнул сестре Сережа, указывая смеющимися глазами на брата, которого Сережа недолюбливал, считая его отчаянным карьеристом и угадывая в нем, несмотря на его смиренную скромность, хитрого и пронырливого эгоиста.

Анна строго покачала головой: "Молчи, дескать!"

- Далеко пойдет Гришенька. Спинка у него гибкая! - продолжал шептать Сережа.

Адмирал вдруг сделал крутой поворот и остановился перед Сережей.

Кроткая Анна в страхе побледнела.

- Ты почему не в корпусе? - грозно спросил адмирал.

- Завтра праздник! - отвечал чуть дрогнувшим от волнения, но громким голосом Сережа, вставая перед отцом.

Адмирал с секунду глядел на "щенка", и в стальных глазах его, казалось, готовы были вспыхнуть молнии. Анна замерла в ожидании отцовского гнева. Но адмирал внезапно повернулся и снова заходил по гостиной, грозный, как неразряженная туча.

Через минуту появился Никандр, весь в черном, в нитяных перчатках, с салфеткой в руке, и мрачно-торжественным тоном провозгласил:

- Кушать подано!

Адмирал быстрыми шагами направился в столовую, и все, с адмиральшей во главе, двинулись вслед за ним.

- Прикуси ты свой язык, Сережа! - заметила Анна, шедшая с братом позади.

- Нет, ты лучше посмотри, Нюточка, на Лукавого царедворца! Идет-то он как!

- Как и все, думаю...

- Нет, особенно... Приглядишься: в его походке и смирение, и в то же время скрываемое до поры величие будущего военного министра... Гриша хоть и прапорщик, а втайне уж мечтает о министерстве... Он, наверное, будет министром.

- А ты всегда останешься невоспитанным болваном! - чуть слышно и мягко проговорил, оборачиваясь, Гриша.

- Слушаю-с, мой высокопоставленный и благовоспитанный братец! Не забудьте и нашу малость, когда будете сановником! - отвечал, улыбаясь, Сережа, отвешивая брату почтительно церемонный поклон.

- Осел! - шепнул Гриша, бледнея от злости.

- Тем лучше, чтобы иметь честь служить под вашим начальством! отпарировал Сережа, умевший доводить сдержанного брата до белого каления.

- Сережа, перестань! - остановила его Анна, не переносившая никаких ссор и бывшая общей миротворицей в семье.

- Я молчу... А то господин военный министр, пожалуй, прикажет своим нежным голоском расстрелять Сергея Ветлугина! - произнес с комическим страхом Сережа.

- Ах, Сергей, Сергей! - попеняла, улыбаясь кроткой улыбкой, Анна и значительно прибавила:

- Надеюсь, ты отложишь свое намерение и не будешь говорить с отцом?

- Не надейся, ангелоподобная Анна... Ты пойми, голубушка: я обязан говорить...

- Безумный, упрямый мальчишка! - прошептала с сокрушением Анна, пожимая по-отцовски плечами, и вошла вместе с юным маркизом Позой в обширную, несколько мрачную столовую.

Выпив крошечную рюмку полынной водки и закусив куском селедки, адмирал, выждав минуту-другую, пока закусят жена и дети, сел за стол и заложил за воротник салфетку. По бокам его сели дочери, а около адмиральши, на противоположном конце, - сыновья. Два лакея быстро разнесли тарелки дьявольски горячего супа и подали пирожки. Адмирал подавил в суп лимона, круто посыпал перцем и стал стремительно глотать горячую жидкость деревянной ложкой из какого-то редкого дерева. Три такие ложки, вывезенные Ветлугиным из кругосветного плавания, совершенного в двадцатых годах, всегда им употреблялись дома.

Остальным членам семейства, разумеется, было не особенно удобно есть горячий суп серебряными ложками и поспевать за грозным адмиралом, обнаруживавшим гневное нетерпение при виде медленной еды, - и почти все домочадцы, не доедая супа, делали знаки лакеям, чтобы они убрали тарелки, пока адмирал кончал. Если же, на беду, старик замечал убранную нетронутую тарелку, то с неудовольствием замечал:

- Мы, видно, одни фрикасе да пирожные кушаем, а? Тоже испанские гранды! - язвительно прибавлял Ветлугин.

Почему именно испанские гранды должны были есть исключительно фрикасе и пирожные - это была тайна адмирала.

Все молодые Ветлугины, впрочем, довольно искусно надували его высокопревосходительство на супе, и старику редко приходилось ловить неосторожных, то есть не умевших вовремя мигнуть Никандру или Ефрему.

Обыкновенно обед проходил в гробовом молчании, если не было посторонних, и длился недолго. Обычные четыре блюда подавались одно за другим скоро, и вышколенные лакеи отличались проворством. Среди этой томительной тишины лишь слышалось тикание маятника да чавканье грозного адмирала. Если кто и обращался к соседу, то шепотом, и сама адмиральша избегала говорить громко, отвечая только на вопросы мужа, когда он, в редких случаях, удостоивал ими жену.

Зато сам адмирал иногда говорил краткие, отрывистые монологи, ни к кому собственно не обращаясь, но, очевидно, говоря для общего сведения и руководства. Такие монологи разнообразили обед, когда адмирал бывал не в духе. Все в доме звали их "бенефисами".

Такой "бенефис" был дан и сегодня. Туча, не разразившаяся грозой, разразилась дождем сердитых и язвительных сентенций.

Как только адмирал скушал, со своей обычной быстротой, второе блюдо и запил его стаканом имбирного пива, выписываемого им из Англии, он кинул быстрый взгляд на своих подданных, поспешно уплетавших рыбу, с опасностью, ради адмирала, подавиться костями, - и вдруг заговорил, продолжая вслух выражать то, что бродило у него в голове, и не особенно заботясь о красоте и отделке своих импровизаций:

- Мальчишка какой-нибудь... офицеришка... Шиш в кармане, а кричит: "Человек, шампанского!" Вместо службы, как следует порядочному офицеру, на лихачах... "Пошел! Рубль на чай!" Подлец эдакой! По трактирам да по театрам... Папироски, вино, карты, бильярды... По уши в долгу... А кто будет платить за такого негодяя? Никто не заплатит! Разве какая-нибудь дура мать! Такому негодяю место в тюрьме, коль скоро честь потерял... Да! В тюрьме! - энергично подчеркнул адмирал, возвышая свой и без того громкий голос, точно кто-нибудь осмеливался выразить сомнение. - А поди ты... Пришел этот брандахлыст в трактир, гроша нет, а он: "Шампанского!" - снова повторил адмирал, передразнивая голос этого воображаемого "негодяя", без гроша в кармане требующего, по мнению адмирала, шампанского.

Все отлично понимали, что грозный адмирал главным образом имел в виду отсутствующего

беспутного Леонида. Но и Николай, добродушный и веселый поручик, не без некоторого права мог наматывать на свои шелковистые темные усы адмиральскую речь, ибо тоже был повинен и в лихачах, и в ресторанах, и в долгах, хотя и не походил, разумеется, в полной мере на того "брандахлыста", которого рисовала фантазия грозного адмирала.

И Николай, как и все сидевшие за столом, слушал грозного адмирала, опустивши глаза в тарелку и со страхом думая: как бы отец не проведал об его долгах и не лишил сорока рублей, которые давал ежемесячно. Сережа слушал без особенного внимания, занятый думами о речи, которую он, по примеру маркиза Позы, скажет адмиралу после обеда. Эти думы, однако, не помешали ему перегляднуться с сестрой Анной взглядом, говорящим, что "бенефис" к нему не относится.

Гриша не опустил очей своих долу. Напротив, он впился в адмирала своими большими и красивыми голубыми глазами и весь почтительно замер, боясь, казалось, пропустить одно слово и внимая, как очарованный. И его нежное румяное лицо женственной красоты светилось выражением безмолвного одобрения доброго, преданного сына, сознающего, что он чист, как горлица, и что отцовские угрозы его не касаются.

Но напрасно он тщился обратить на себя внимание адмирала. Ветлугин не видал его, а смотрел через головы, куда-то в угол столовой, и, после небольшой паузы, снова заговорил:

- ...В тысяча семьсот девяносто шестом году, когда меня с братом Гавриилом привезли в морской корпус, покойный батюшка дал нашему дядьке пять рублей ассигнациями для нас... И с тех пор ничего не давал... Я офицером на свое жалованье жил... Каждая копейка в счету... И никогда не должен... А теперь?.. Всякий: "Пожалуйте, папенька, денег!" Шалыганы!.. Государственного казначейства мало мотыгам!

Гриша одобрительно хихикнул, правда, очень тихо, но адмирал услышал и, взглянув на сына, совершенно неожиданно крикнул со злостью:

- А ты чего вылупил на меня свои буркалы, а? Думаешь: совершенство!.. Образцовый молодой щеголь?! Тихоня?! Очень уж ты тих... Из молодых да ранний... Просвирки старым генеральшам подносишь? Через баб думаешь в адъютанты попасть, а? У генеральш на посылках быть!.. Просвирки?! Это разве служба?.. Мерзость!.. Вздумай у меня только в адъютанты... Я тебя научу, как служить... А то просвирки!.. Что выдумал, молодчик?.. Я с заднего крыльца не забежал. Помни это, тихоня! А еще Ветлугин! В кого ты? - презрительно закончил адмирал.

Гриша слушал, бледный, давно опустив свои прелестные глаза. Все испытывали тяжелое чувство, и Анна, казалось, страдала более всех за брата, которому отец бросал в глаза такие обвинения.

Между тем Никандр, бесстрастный и мрачный, уже целую минуту стоял около адмирала с блюдом жаркого. Адмирал наконец повернул голову и взял кусок телятины. Он ел и по временам раздражался отрывистыми фразами:

- Шиш в кармане, а тоже: "шампанского"!.. Брандахлысты!.. Просвирку?! Лакейство... Нечего сказать: служаки...

Наконец он смолк, и все вздохнули свободнее. Остальным не попало. Туча иссякла.

- А ты что, Анна?.. Нездорова? - вдруг обратился адмирал к дочери, заметив ее бледное лицо.

Тон его был, по обыкновению, сух и резок, но в нем звучала нежная нотка.

Это внимание, необыкновенно редкое со стороны адмирала, смутило Анну своею неожиданностью, и она первое мгновение молчала.

- Глуха ты, что ли? Я спрашиваю: нездорова?

- Нет, я здорова, папенька...

- Бледна... Выпей марсалы! - резко приказал адмирал.

Анна послушно выпила полрюмки марсалы.

- Дохлые вы все какие-то! - кинул адмирал с презрительным сожалением, покаясь на обеих дочерей, и поднялся с места.

Все встали и начали креститься, за исключением адмирала. Затем дети поклонились отцу и стали подходить к ручке адмиральши.

Адмирал прошел к себе, а остальные направились на половину адмиральши пить кофе. Адмиралу кофе подавали в кабинет.

Один лишь Сережа, несмотря на просьбы Анны, оставался в столовой, решительный, взволнованный, готовый исполнить свое намерение. Уж в голове его готова была горячая речь, которой он надеялся тронуть грозного адмирала.

VII

И, несмотря на решимость, Сережа все-таки испытывал жестокий страх при мысли, что вот сейчас он пойдет к грозному адмиралу. Этот страх пред отцом оставался еще с детства, когда, бывало, после каждого утреннего посещения отцовского кабинета для пожелания папеньке доброго утра, няня Аксинья обязательно должна была менять ребенку панталончики, - такой панический трепет наводил один вид грозного адмирала на впечатлительного ребенка.

Детство пролетело быстро, и Сережу с юга отправили в морской корпус. Оттуда он ходил по праздникам к доброй и умной тетке, сестре матери, у которой было совсем не так, как дома. У тетки чувствовалось свободно и легко. Дядя был старый профессор, мягкий и ласковый. К ним ходили учителя и студенты, и слышались совсем иные речи. Под влиянием этой обстановки и этих речей и выросла Сережа, пока адмирал не переехал в Петербург, и Сереже опять приходилось проводить праздники в отчем доме.

Но семя уже было заброшено в душу юноши, да и время было горячее, увлекавшее не одних юношей. И Сережа в корпусе упивался журналами, читал Белинского, обожал Добролюбова и, посещая иногда тетку, слушал восторженные речи людей, приветствовавших зарю обновления, жаждавших света знания...

Сережа все еще стоял у окна в столовой и не решался идти. Двери кабинета были открыты. Адмирал еще не ушел спать, а сидел за письменным столом и отхлебывал маленькими глотками кофе.

"Уж не поговорить ли завтра утром?" - промелькнуло в голове юноши.

Но в это мгновение Анна появилась в дверях столовой, и Сереже вдруг стало стыдно за свое малодушие. Он сделал ей знак рукой и с отвагой охотника, идущего в берлогу медведя, несмотря на умоляющий шепот Анны, храбро вошел в кабинет и в ту же секунду совсем забыл свою давно приготовленную речь.

Грозный адмирал поднял голову и, казалось, глядел не особенно сурово.

- Папенька, - начал Сережа нетвердым, дрожащим голосом, - я пришел к вам с большой, большой просьбой, от которой зависит вся моя будущая жизнь...

Этот горячий, взволнованный тон, это возбужденное открытое лицо юноши, с дрожавшими на глазах слезами, в первую минуту изумили адмирала.

- Какая там будущая жизнь?.. Что нужно? - удивленно спросил он.

- Я бы хотел серьезно учиться, чтобы быть со временем действительно полезным человеком... Папенька! Позвольте мне перейти из корпуса в университет.

- Что? - вдруг крикнул адмирал. - Повтори, что ты сказал?

И глаза адмирала зажглись огоньком. Колючие его усы заходили. Он, видимо, еще сдерживался и даже иронически улыбался, намереваясь сперва поиграть с этим смелым "щенком".

- Я говорю: разрешите мне поступить в университет! - повторил Сережа уже более твердым голосом.

Это было уж слишком! Адмирал, казалось, не верил своим ушам.

- В университет!! Бунтовать?! И ты, щенок, осмелился просить! Ты смел, негодяй?.. Я тебе дам университет, пащенку эдакому!

Сережа вспыхнул, и ноздри его задрожали, как у степного коника. Какая-то волна подхватила его. Он смело взглянул в лицо адмирала и сказал:

- Я вас серьезно прошу об этом, но если вы не позволите, я все равно...

Бледный и грозный вскочил адмирал, как ужаленный, с кресла. С секунду он уставил свои стальные глаза на сына. Скулы его ходили. Он весь вздрагивал.

- Мерзавец! Ты смел?..

И с поднятым кулаком и с искаженным от гнева лицом он двинулся к сыну.

Сережа стал белей рубашки, и его черные глаза заблестели, как у волчонка. Он отступил шага два назад и, инстинктивно сжимая кулаки, крикнул каким-то отчаянным голосом, в котором были и угроза и мольба:

- Убейте, если хотите, меня, но бить я себя не позволю! Слышите... Я не боюсь вас!

Глаза обоих встретились, как две молнии. Должно быть, в глазах Сережи было что-то такое страшное и решительное, что грозный адмирал вдруг остановился, опустил кулак и каким-то подавленным, хриплым голосом произнес:

- Вон отсюда, мерзавец!

Сережа вышел, весь дрожа от волнения, чувствуя какой-то жгучий трепет и в то же время радостное ощущение одержанной победы над грозным адмиралом. Теперь уж он его физически не боялся, и ему вдруг стало жаль отца.

Анна, видевшая сцепу в кабинете, трепещущая и скорбная, встретила брата в коридоре, увела в свою комнату и, усадив на кушетку, крепко обняла его и залилась слезами. Сережа улыбался и плакал, утешая сестру.

А грозный адмирал как сел в кресло, так и закаменел в нем. Неподвижно просидел он весь

вечер и все, казалось, не мог сообразить происшедшего. До того все это было невозможно, до того непонятно адмиралу, привыкшему к безусловному повиновению и не знавшему никогда никакой препоны своей воле. И вдруг этот щенок! Эти решительные, смелые глаза! Уж не перевернулся ли свет?..

Он переживал едва ли не впервые горечь стыда и унижения и невольно чувствовал, что побежден щенком, - чувствовал, и злоба охватывала старика.

Но, несмотря на эту злобу, когда он пережил ее остроту, там, где-то в глубине его души, пробивалось невольное чувство уважения к этому смелому, энергичному щенку. И отцовская кровь говорила, что этот щенок - его сын по характеру.

Все домашние, кроме Анны; были поражены и возмущены поступком Сережи. Адмиральша всплакнула, говорила, что дети ее в гроб сведут (хотя трудно было ожидать этого, судя по ее наружности), и бранила Сережу. Теперь он не может показаться на глаза отцу, пока отец его не простит... И как он смел противоречить отцу? Гадкий мальчишка! Сережа слушал упреки матери самым покорным образом и, когда адмиральша кончила, поцеловал ее так детски-горячо, что адмиральша опять всплакнула, послала Анну в спальню за флаконом со спиртом и внезапно объявила, что она совсем больна. И, в подтверждение этого факта, она приняла томный вид, легла на диван, велела покрыть себя шалью и принести французский роман.

Вера прямо объявила, что Сережа помешался, а Гриша прошипел, что Сереже несдобровать...

- Попадет он куда-нибудь! - многозначительно прибавил Гриша...

- Будь уверен, что только не в адъютанты, - поддразнил Сережа.

Весь вечер он провел у Анны в комнате. Чай туда ему подал сам Никандр и так сочувственно глядел на "барчука" и подал ему таких вкусных кренделей, что Сережа особенно горячо поблагодарил его и сказал:

- Скоро волю объявят, Никандр Иванович...

- То-то... скоро, говорят, Сергей Алексеич... А вы не отчаивайтесь, неожиданно прибавил Никандр, - потерпите, и вам воля будет!..

На следующее утро адмирал надел мундир и поехал к морскому министру просить о немедленном назначении Сережи на корвет, отправляющийся через две недели в кругосветное плавание на три года.

Министр с удовольствием обещал исполнить желание адмирала, хоть и несколько удивился такому желанию...

- Сын ваш кончает курс... Осталось всего полгода... Будущим летом и отправили бы молодца, ваше высокопревосходительство... Или очень уж хочется ему в море?

- Он-то не хочет, да я этого хочу, ваше превосходительство.

- А что, разве пошаливает?

- Сын мой, ваше превосходительство, не пошаливает! - внушительно ответил адмирал. - Он честный и смелый молодой человек, но... захотел вдруг в студенты... Так пусть проветрится в море... Дурь-то эта и выйдет-с.

- Пусть проветрится!.. Это вы отличное средство придумали, Алексей Петрович!.. - засмеялся

министр. - А то в студенты!! С чем это сообразно?!

Такого сюрприза со стороны адмирала юный маркиз Поза не ожидал, сидя в корпусе и мечтая после производства выйти в отставку и поступить в университет.

Вместо университета пришлось торопливо собираться и во что бы то ни стало примириться с грозным адмиралом перед долгой разлукой.

VIII

До ухода корвета в море оставалось лишь три дня, а Сережа все еще не получал разрешения показаться на глаза адмирала. Адмирал словно забыл о сыне и ни единым словом не упоминал о нем при домашних. Те, в свою очередь, остерегались при отце говорить о Сереже.

Бедная адмиральша не знала, как и быть. Неужели Сережа так-таки и уйдет на целые три года в кругосветное плавание, не прощенный отцом и не простившись с ним перед долгой разлукой? Это обстоятельство крайне сокрушало добрую женщину; она немало пролила слез и немало фантазировала о том, как бы потрогательнее примирить отца с сыном и самой принять в этом примирении деятельное участие, - но, разумеется, все только ограничилось одними чувствительными мечтами несколько сентиментальной адмиральши. Заговорить с мужем о Сереже она не осмеливалась, очень хорошо зная, что это ни к чему не поведет и что муж на нее же раскричится. В подобных случаях адмирал обыкновенно сам объявлял через нее помилование опальному члену семьи, и лишь после такого объявления подвергшийся отцовской опале мог являться на глаза отцу без риска быть выгнанным.

Случалось, что такие опалы длились долго, и адмиральша помнила, как несколько лет тому назад старший сын Василий целых два месяца не допускался к отцу, вызвав его гнев каким-то неосторожно сказанным словом противоречия. А этот отчаянный мальчишка, этот безумный Сережа совершил поступок, неслыханный в преданиях ветлугинского дома. Мало того, что он дерзнул перечить отцу, он еще осмелился угрожать и сказать, что не боится его?!

"И ведь действительно не испугался!" - с изумлением думала адмиральша, не понимая, как это можно не бояться Алексея Петровича. А главное, после всего, что позволил себе дерзкий сын, - он вышел целым и невредимым из отцовского кабинета. Эта безнаказанность особенно поражала и ставила в тупик Анну Николаевну, помнившую былые расправы сурового отца с детьми. Она решительно не могла сообразить, как могло случиться подобное чудо.

При таких обстоятельствах страшно было и приступить к адмиралу, тем более, что последнее время он был неприступно суров. Он придирался ко всем домашним, кричал за обедом на сыновей, особенно на Гришу, один покорно-почтительный вид которого приводил, казалось, адмирала в раздражение, распекал дочерей и жену. Не далее как на днях она просила у мужа позволения сходить дочерям к тетке, и когда адмирал сказал, что "нельзя", адмиральша имела неосторожность осведомиться: "Отчего нельзя?"

- Оттого, что земля кругла! Понимаешь, сударыня? - крикнул на нее адмирал, сверкнув очами.

Доставалось за это время и слугам. Никандр был несколько раз обруган, а Ефрем и повар Ларион жестоко избиты за какую-то неисправность. Одним словом, грозный адмирал бушевал, словно бы желая удостовериться после сцены с Сережей, что все остальные его подданные по-прежнему трепещут перед ним, покорные его воле.

Убедившись в этом, адмирал понемногу стал "отходить".

Не решаясь говорить с мужем о Сереже прямо, адмиральша, сокрушавшаяся все более и

более по мере приближения дня ухода корвета, отважилась, наконец, напомнить о сыне стороной и, войдя в кабинет адмирала, спросила уныло-жалобным тоном:

- Ты позволишь нам, Алексей Петрович, проводить Сережу?.. Через три дня корвет уходит... Можно тогда поехать в Кронштадт?

Адмирал бросил на жену презрительно-удивленный взгляд и ответил:

- Дурацкий вопрос! Конечно, проводите... И пусть все братья проводят. Дай знать своему балбесу Леониду!

И с этими словами Ветлугин опустил глаза на книгу, делая вид, что занят и разговаривать не желает.

Адмиральша ушла из кабинета грустная.

"Он, очевидно, не хочет простить Сережу!" - думала она, не получив объявления о помиловании строптивного сына.

А "строптивный сын" все это время приходил в отчий дом и уходил из него с заднего крыльца. Большую часть времени он проводил в комнате Анны, куда никогда не заглядывал отец. Там же он и ночевал, а сестра перебиралась к матери. Туда же ему потихоньку Никандр приносил обед и подавал чай. Все были уверены, что адмирал, отдавший приказание не пускать Сережу в дом, не знает о присутствии сына, но адмирал отлично знал об этом, хотя и делал вид, что ничего не знает.

Мать и Анна заботливо снарядили Сережу: они сделали ему статское платье и дюжину голландских рубашек, чтобы ему было в чем съезжать на берег в заграничных портах, и снабдили на дорогу деньгами - ведь до производства в офицеры Сережа никакого жалованья получать не будет! На снаряжение сына мать принуждена была заложить брильянтовую брошь, да Анна великодушно отдала своему любимцу весь свой капитал, сто рублей, подаренные ей отцом на именины. Не забыла Сережу и тетка.

IX

Потерпев неудачу в своей дипломатической миссии, адмиральша вошла к Анне и, увидев, что Сережа и сестра весело и оживленно беседуют, приняла обиженно-страдальческий вид и рассказала о своей бесплодной попытке перед адмиралом в самом мрачном тоне.

- Послушай, Сережа! - обратилась она вслед за тем к сыну, - отец тебя не простит... Ты так и уйдешь без отцовского благословения! - продолжала адмиральша, забывшая, вероятно, что адмирал никогда не благословлял детей и вообще не мог терпеть всяких чувствительных сцен. - Ведь это ужасно! Ты в самом деле страшно виноват перед отцом... Страшно виноват! - повторяла она. - А между тем ты и ухом не ведешь. Сидишь тут и весело разговариваешь в то время, когда я хлопочу о твоём прощении.

- Но позвольте, маменька... - начал было Сережа.

- Ах, не спорь, пожалуйста. Не огорчай меня еще больше. И без того я из-за тебя не сплю ночей. Вы меня все, кажется, в гроб сведете! прибавила свою обычную фразу адмиральша, готовая и любившая поплакать при каждом удобном случае и необыкновенно скоро переходившая от слез к смеху и обратно.

- Чего же вы хотите от Сережи? - вступилась Анна. - Вы только и говорите ему каждый день, что он виноват. Пожалейте и его...

Сережа ответил сестре благодарным взглядом и мягко сказал матери:

- Допустим, что я виноват, маменька, но дела уж не поправишь. Отец не хочет даже проститься со мной... Что же мне делать?

Адмиральша несколько секунд молчала и затем, словно бы осененная счастливой мыслью, значительно и торжественно произнесла:

- Знаешь, что я тебе посоветую, Сережа?

- Что, маменька?

- Иди сейчас к отцу (он не очень сердитый! - вставила адмиральша) и пади ему в ноги... Скажи, что ты сознаешь свою вину и вообще что-нибудь в этом роде. Чувство подскажет слова. Это его тронет. Он, наверное, простит и даст тебе денег! - совсем неожиданно прибавила адмиральша такой прозаический финал к своим чувствительным словам.

Но это предложение, видимо, не понравилось Сереже, и он ответил:

- Как же я буду говорить то, чего не чувствую? Я люблю отца, но не стану бросаться ему в ноги.

- Ну и дурак... и болван... и осел! - вдруг вспылила адмиральша. - И уходи без отцовского прощения!.. Нет, решительно, этот мальчишка сведет меня в могилу! - закончила она и, всхлипывая, ушла к себе в спальню.

Но не прошло и четверти часа, как она вернулась уже без слез на глазах, с двумя червонцами в руке.

- Вот тебе, Сережа! Неожиданные! - проговорила она со своей обычной нежностью, улыбаясь кроткою, чарующею улыбкой, и подала червонцы сыну. Сейчас, совсем случайно, я их нашла у себя в комодке. Вообрази, Анята, они завалились в щель, а я-то их месяц тому назад искала, помнишь? Еще бедную Настю подозревала... Теперь нашлись как раз кстати!..

Сережа с горячностью целовал нежную, пухлую руку матери.

- Пойдемте-ка, дети, ко мне чай пить... Твое любимое варенье будет, непокорный Адольф! - продолжала адмиральша с ласковою шуткой, обнимая Сережу... - В плавании таким вареньем не полакомишься. Идем! Он не заглянет к нам... Он сейчас куда-то уехал! - прибавила адмиральша успокоительным и веселым тоном.

И, когда они пили чай в ее маленькой гостиной, она так ласково и нежно глядела на Сережу и все подкладывала ему черной смородины щедрой рукой.

- Он, наверное, простится с тобой! Не может быть, чтобы не простился!.. Ведь ты на три года уходишь, мой милый! - говорила адмиральша, видимо желая утешить и себя и Сережу.

- И я так думаю! - заметила Анна.

- Ну... еще бог весть, простит ли папенька! - вставила красивая Вера.

- Ты глупости говоришь, Вера!.. - с сердцем произнесла адмиральша.

- Да вы же сами говорили, что папенька не простит... Я повторяю ваши же слова! - язвительно прибавила Вера.

- Так что же, что я говорила?.. Ну, говорила, а теперь думаю иначе... А ты не каркай, как ворона! "Говорила"! Мало ли что скажешь! Отец вот позволил всем нам ехать в Кронштадт провожать Сережу! - прибавила адмиральша в виде веского аргумента в пользу прощения и с

укоризной взглянула на дочь.

Х

Но прошел день, прошел другой, а грозный адмирал ни слова не проронил о Сереже, и адмиральша совсем упала духом, потеряв всякую надежду на прощение сына. Она - всегда благоговевшая перед мужем и признававшая его своим повелителем - теперь даже позволила себе мысленно обвинять его, находя, что слишком жестоко так карать бедного мальчика, хотя бы и виноватого. И эти последние дни она с какой-то особенной страстной порывистостью ласкала своего Вениамина, проливая над ним слезы и кстати вспоминая, с болью в сердце, о своей грустной доле отверженной жены после рождения именно этого самого Сережи.

И все неверности мужа, все эти его связи с гувернантками, с боннами, няньками и горничными, почти на глазах, без всякой пощады ее женского самолюбия и достоинства жены, - всплывали с ядовитой горечью в воспоминаниях адмиральши, оскорбляя ее чувство затаенной ревности. И теперь о н - адмиральша хорошо это знала, умея узнавать любовные шашни мужа с каким-то особенным искусством, - имеет любовницу, эту "подлую" Варвару, бывшую ее же горничной, и, конечно, тратит на нее деньги, а вот несчастный мальчик, сын его, уходит в плавание на три года, а отец не подумал даже об его нуждах.

"Он просто ненавидит Сережу!" - решила адмиральша и сквозь слезы глядела на румяного и здорового юношу с сожалением и скорбью.

- И пусть не прощается... Пусть злится! - говорила теперь адмиральша сыну. - Ты не сокрушайся об этом, мой мальчик... Он потом одумается и простит тебя. Не преступник же ты в самом деле?

В этот канун ухода Сережи в плавание семья адмирала сидела за обедом грустная и подавленная. Отсутствие за столом опального младшего Ветлугина накануне долгой разлуки легло на всех мрачной тенью. Все сидели молча, потупив глаза. Адмиральша то и дело вздыхала и подносила надушенный платок к своим раскрасневшимся от слез глазам. Даже Никандр был суровее обыкновенного и своим отчаянно-мрачным видом напоминал добросовестного участника похоронной процессии.

Грозный адмирал не удостоивал обратить внимание на это всеобщее уныние и, словно в пику всем, был в отличном расположении духа. Он не поводил плечами, не кричал и, к общему удивлению, не обругал явившегося к обеду блестящего Леонида за его письмо с просьбой вперед жалованья. Он только при виде Леонида заметил:

- Пожаловал наконец?

Как и всегда, адмирал ел с большим аппетитом, во время обеда не проронил ни слова и, казалось, ни на кого не глядел. Но Анна, хорошо изучившая отца и наблюдавшая за ним с тревогой в сердце за брата, совсем неожиданно перехватила добрый взгляд отца, брошенный на нее и тотчас же хмуро отведенный, и в ту же минуту почему-то решила (хотя и не могла бы объяснить: почему?), что отец простил Сережу и непременно позовет к себе.

И вся она внезапно просветлела. В ее больших добрых серых глазах лучилась радостная улыбка.

Словно бы понимая ее мысли и причину этой перемены настроения, грозный адмирал кинул ей, вставая из-за стола:

- Зайди ко мне!

Анна поняла, зачем он ее зовет, и, радостная и счастливая, без обычной робости, вошла в кабинет вслед за адмиралом.

Адмирал подошел к письменному столу и, выдвигая ящик, спросил:

- Деньги нужны?

- Вы, папенька, недавно подарили мне сто рублей.

- А их нет? Отдала своему любимцу?

Смущенная Анна отвечала, что отдала.

- То-то. Вот возьми! - продолжал своим обычным резким тоном адмирал, подавая сторублевую бумажку. - Не транжирь... пригодятся! Не благодари... не люблю! - остановил он Анну, открывшую было рот. - И без того понимаю людей! - прибавил грозный адмирал и совершенно неожиданно для Анны потрепал ее по щеке своей сухой морщинистой рукой. - Пстой! Отдай матери!

С этими словами Ветлугин достал из ящика толстую пачку и вручил ее Анне.

- Небось намотали на этого сумасброда? Глаза выплакали? Распустили нюни? Глупо! Ему же в пользу... Ну, ступай, да пошли сюда Сергея. Он там у вас прячется... знаю!

У адмиральши на половине все были в тревожном ожидании и, когда увидели на пороге радостное лицо Анны, все облегченно вздохнули, предчувствуя хорошие вести.

- Иди, Сережа, к папеньке. Он зовет тебя! - проговорила Анна, бросаясь на шею к брату.

- Только умоляю тебя, Сережа... будь благоразумен! - взволнованно промолвила адмиральша, готовая всплакнуть, на этот раз от радости. - Не забывай, что ты виноват, и проси прощения...

- Смотри, не надуй, Сережа! - напутствовали его братья. - Из-за тебя всем нам попадет!

Слегка побледневший от волнения, Сережа быстро направился к отцовскому кабинету и постучал в затворенные двери.

- Входи! - раздался голос адмирала.

XI

Войдя в кабинет, Сережа остановился у порога.

- Здравствуй, Сергей! - произнес адмирал, поднимая голову и пристально взглядывая на взволнованного юношу.

Он в первый раз вместо "Сережи" называл сына "Сергеем" и этой новой кличкой как бы производил его в чин взрослого.

- Здравствуйте, папенька! - ответил, кланяясь, Сережа и не двигался с места, ожидая отцовского зова.

- Двери! - возвысил голос старик.

И когда Сережа торопливо запер за собой двери, адмирал проговорил:

- Подойди-ка поближе, смельчак!

- Простите меня, папенька, - начал было Сережа чуть-чуть дрогнувшим голосом, приближаясь к отцу.

Но адмирал сердито крякнул и повелительным жестом руки остановил Сережу. Этот жест красноречиво говорил, что адмирал не желает никаких объяснений.

- Смел очень! - кинул он, когда Сережа приблизился. - Помни: не всегда смелость города берет, особенно на службе. Можно и головы не сносить!

И вслед за этими словами адмирал протянул свою костлявую руку.

Сережа нагнулся, чтобы поцеловать, но адмирал быстро ее отдернул, затем снова протянул и крепко пожал Сережину руку.

Этим пожатием адмирал, казалось, не только прощал сына, но и выражал, как справедливый человек, невольное уважение к юному "смельчаку", не побоявшемуся защитить свое человеческое достоинство. И Сережа, тронутый безмолвным прощением, без упреков и угроз, которых ожидал, почувствовал, что с этой минуты между отцом и ним устанавливаются новые отношения и что он, в глазах грозного старика, уже не прежний "щенок". Он понял, как трудно было такому человеку, как Ветлугин, перенести и простить его смелую и дерзкую выходку. А между тем в неприветном, по-видимому, взгляде этих серых, холодных глаз Сережа, никогда не знавший никакой ласки вечно сурового отца, инстинктивно угадывал отцовское, тщательно скрываемое чувство. И это еще более умилило Сережу.

- Когда снимаетесь? - спрашивал адмирал, взглядывая на своего Вениамина и втайне любуясь его открытым и смелым лицом.

- Завтра, в три часа дня.

- Конечно, под парами уйдете? - с презрительной гримасой продолжал Ветлугин. - А я так на стопушечном корабле в ворота Купеческой гавани в Кронштадте под парусами входил... И ничего... не били судов... А тебе "самоварником" придется быть... По крайней мере спокойно! - язвительно прибавил адмирал.

- Мы большую часть плавания будем под парусами ходить! - обиженно заметил Сережа, заступаясь за честь своего корвета.

- А чуть опасные места или в порт входить... дымить будете? Ну, что делать... Дымите себе, дымите!.. Ночуешь на корвете?

- На корвете. С шестичасовым пароходом уезжаю в Кронштадт!

Адмирал, никогда в жизни никуда не опаздывавший и всегда торопивший своих домашних, имевших несчастье куда-нибудь с ним отправляться, взглянул на часы.

- Еще час с четвертью времени! - заметил он. - Ничего с собой не берешь?

- Все на корвете.

- А часов у тебя нет?

- Нет.

- Вот возьми... верные. Сам выверял! Пять секунд ухода в сутки, знай! - говорил адмирал, подавая Сереже серебряные глухие часы с такой же цепочкой, купленные им для сына еще неделю тому назад. - Смотри, заводи в определенное время! - прибавил он строго.

Сергея поблагодарил и надел часы.

После минутного молчания адмирал значительно произнес:

- Слушай, Сергей! Мое желание, чтобы ты служил во флоте. Твои отец, дед и прадед - моряки. Пусть же старший и младший из моих сыновей сохраняют во флоте имя Ветлугиных! Из тебя может выйти brave моряк... Ты смел и находчив... Поплавай... приучись... Увидишь, что морская служба хорошая. Ты полюбишь ее и не бросишь, чтобы сделаться статской сорокой или каким-нибудь пустым шаркуном... Для того я и просил министра назначить тебя в плавание.

Сергея молчал, но решимость его исполнить свой "план" не поколебалась после слов адмирала. Он все-таки будет "сорокой", не сделавшись, конечно, "пустым шаркуном". Но грозный адмирал, моряк до мозга костей, был уверен, что Сергей полюбит море и службу и пойдет по стопам отца, и, разумеется, не предвидел в эти минуты своих будущих разочарований и бессильного старческого гнева, когда сын настоит на отставке и, к изумлению отца, откажется от всякой служебной карьеры.

- Уверен, Сергей, - продолжал Ветлугин, и голос его звучал торжественно строго, - что ты будешь честно служить отечеству и престолу. Твой отец ни у кого не искал, ни перед кем не кланялся, а тянул ляжку по совести, исполняя свой долг. Ни казны, ни матроса не обкрадывал. Есть такие негодяи... У меня, кроме жалованья да деревушки от покойного батюшки, ничего нет! - гордо прибавил адмирал.

Сергея жадно ловил эти слова, и радостное, горделивое чувство за отца сияло на лице сына.

- Будь справедлив... Не лицепрятствуй... Не вреди товарищам. Будь строг, но без вины матросов не наказывай, заботься о них... не позволяй их обкрадывать. Я был в свое время строг, очень даже строг по службе... тогда пощады не давали. Но, во всяком случае, не будь жесток с матросами, чтобы тебе не пришлось потом прибегать к беспощадным мерам, к каким однажды пришлось прибегнуть мне... Избави тебя бог от этого!

Сергея смутно слышал о чем-то ужасном, бывшем в жизни отца, но что именно было, никто из домашних не знал, и Ветлугин никогда об этом не говорил. И юноша замер в страхе ожидания чего-то страшного. Он и хотел знать истину, и боялся ее.

Грозный адмирал смолк и задумался. Точно какая-то тень внезапно пронеслась над ним и омрачила его суровое, непреклонное лицо. И он, опустив голову, несколько времени пребывал в безмолвии, словно бы переживал в эту минуту давно забытый эпизод из далекого прошлого, воспоминание о котором даже и в таком железном человеке, как Ветлугин, по-видимому, вызывало тяжелое впечатление.

Наконец он поднял голову и сказал:

- Все равно, ты впоследствии услышишь. Так лучше узнай от меня.

Грозный адмирал сердито крякнул и начал:

- В двадцать третьем году я был послан в дальний вояж* на шлюпе** "Отважном" как один из лучших капитанов... Тогда ведь в дальний вояж ходили очень редко, и попасть в такое плавание было большой честью... Когда я имел стоянку в Гавр-де-Грасе, ночью на шлюпе вдруг вспыхнул бунт... Меня чуть не убили интрипелем***... Я положил на месте злодея и пригрозил стрелять картечью из орудия... Бунт был подавлен в самом начале... Затем...

* В старину моряки кругосветное плавание называли "дальним вояжем". - П р и м. а в т о р а.

** Ш л ю п - трехмачтовое судно, похожее на нынешние корветы.

П р и м. а в т о р а.

*** И н т р и п е л ь - абордажный топор. - П р и м.

а в т о р а.

Старик на секунду остановился и еще мрачнее и суровее, словно то, что он станет рассказывать, было самое худшее, - продолжал, понижая голос:

- ...Затем я немедленно снялся с якоря, вышел в океан и повесил двух главных зачинщиков на ноках* грот-марса-реи**. К рассвету я вернулся в Гавр принимать провизию...

* Н о к - оконечность рангоутного дерева.

** Г р о т - вторая мачта на корабле. М а р с - полукруглая

площадка на мачте корабля. Р е я - горизонтальный брус на мачте,

служащий для привязывания парусов.

Ветлугин смолк. Сережа был бледней рубашки. Он понял, почему у отца был бунт, и с невольным ужасом глядел на старика.

- Необходимо было! - прибавил, словно бы оправдывая этот поступок мести, грозный адмирал, поднимая на бледного потрясенного юношу глаза и тотчас же отводя их.

У Сережи подступали к горлу слезы. Его возмущенное сердце отказывалось приискать оправдание. Он не мог понять, что "необходимо было" повесить двух человек за свою же вину и после того, как уж бунт был прекращен. Разнородные чувства наполняли его потрясенную душу: негодование и ужас, любовь и жалость к отцу, на совести которого лежит ужасное воспоминание.

- Теперь другие времена, другие порядки! - заговорил после молчания грозный адмирал. - Хотят без телесных наказаний выучить матроса, сохранить дисциплину и морской дух. Что ж? Попробуйте. Быть может, и удастся, хотя сомневаюсь.

- Наш капитан не сомневается, папенька! - взволнованно и горячо возразил Сережа. - У нас на корвете совсем не будет линьков.

- Не будет? Но распоряжения еще нет? Телесные наказания еще не отменены!

- Все равно... капитан не хочет их... И он отдал приказ, чтобы никто не смел бить матросов, и просил офицеров, чтобы они не ругались...

- И не ругались? - усмехнулся адмирал.

- Да, папенька... Наш капитан превосходный человек.

- Ну и поздравляю твоего капитана! - иронически воскликнул старик и нахмурил брови.

Вслед за тем адмирал поднялся с кресла и, подавая Сереже двадцать пять рублей, проговорил с обычной суровостью:

- Вот тебе на дорогу... Не мотай... Помни: я не кую денег. Рассчитывай на себя и бойся долгов... В портах, смотри, будь осторожнее... Всякие дамы там есть... Остерегайся... Ну, прощай... Служи хорошо... Раз в месяц пиши, как это вы, умники, без наказаний будете плавать с вашим капитаном и содержать в должном порядке военное судно! - язвительно прибавил старик. - Мать, братья и сестры тебя завтра проводят, а я в Кронштадт не поеду... Нечего мне смотреть на ваш корвет. Я привык видеть суда в щегольском порядке, а у вас, воображаю, порядок?! От одного угля сколько пыли?! Чай, чухонская лайба, а не военное судно?!

Сережа хотел было возразить, что их корвет в отличном порядке и нисколько не похож на лайбу, но адмирал, видимо, не желал слушать и сказал, протягивая руку:

- Ну, будь здоров. Ступай! Не опоздай, смотри, на корвет!

И, крепко пожав Сережину руку, он направился в спальню, чтобы, по обыкновению, отдохнуть час после обеда.

Таково было прощание грозного адмирала с сыном перед трехлетней разлукой.

XII

- Ну, что? Как он тебя простил, Сережа? Как все было? Рассказывай, рассказывай по порядку. Ну, ты вошел к нему в кабинет... А он что?

Таковыми словами встретила Сережу адмиральша, горевшая любопытством и очень любившая, чтобы ей все рассказывали с мелочными подробностями и с чувством.

Но Сережа, грустный и задумчивый, еще не освободившийся от первого впечатления, вызванного отцовским признанием, должен был разочаровать адмиральшу. Прощение произошло почти без слов. Никаких трогательных сцен не было.

- И отец не бранил тебя? Не упрекал? - удивлялась мать.

- Нет, маменька.

- О чем же вы так долго говорили?

- Отец давал советы насчет службы!..

- А денег дал?

- Дал и подарил часы.

- Ну и слава богу, что все так кончилось!.. Я, впрочем, предвидела...

- Напротив, маменька, вы говорили, что папенька не простит! - снова съязвила красивая Вера.

- Вера! Выведешь ты меня из терпения, гадкая девчонка! - вспылила адмиральша.

- Вера! Как можно раздражать маман? - вступился Гриша.

- Ну, ты... просвирки... Пожалуйста, без замечаний! - огрызнулась Вера и ушла.

Об отцовском признании Сережа матери не сказал ни слова, но, оставшись наедине с Анной,

в ее комнате, он все рассказал сестре и, окончив рассказ, воскликнул:

- Ах, Нюта, голубчик... Ведь это ужасно... И как тяжело за отца!

- Ему, верно, еще тяжелее! - ответила потрясенная рассказом Анна. Но не нам судить папеньку, Сережа. Пусть его судят другие! - внушительно и серьезно прибавила кроткая девушка.

В тот же вечер Сережа уехал в Кронштадт. На следующее утро вся семья адмирала приехала провожать Сережу на корвет. При прощании адмиральша дала волю слезам и возвратилась домой совсем расстроенная.

В тот же вечер адмирал спрашивал Анну:

- С кем Сергей помещен в каюте?

- С мичманом Лопатиным.

- Ну, что, молодцом он?.. Не раскисал?..

- Нет, папенька...

- То-то!.. - одобрительно заметил адмирал.

Когда на следующий день Ветлугин увидал за обедом, что жена его вытирает слезы, он сурово заметил:

- Все еще нюнишь?.. О Сергее нечего нюнить... Лучше поплачь о своем балбесе Леониде...

Адмиральша вопросительно взглянула на мужа.

- Да, о нем лучше пореви! Этот негодяй в долгу как в шелку. Утром ко мне приходили на него жаловаться... Не платит долгов... Я ни копейки не заплачу. Слышишь? - грозно крикнул старик. - Пусть лучше этот подлец пулю в лоб себе пустит! Так и скажи ему!

XIII

По субботам адмирал неизменно обедал в английском клубе и оставался там часу до двенадцатого, играя в вист или в преферанс. Он любил игру и играл превосходно, не прижимисто, а, напротив, рискованно, но по большой не садился. "Шальных денег для этого у меня нет!" - замечал адмирал. Азартных игр Ветлугин не мог терпеть и строго наказывал сыновьям никогда в них не играть.

- В банк играют только дураки или негодяи, - часто говаривал он.

По вечерам в эти субботы, когда адмирал отсутствовал и в доме все чувствовали облегчение, к общительной и гостеприимной адмиральше приходили гости, преимущественно товарищи сыновей, молодые люди, которых притягивала красивая Вера, блондинка с пепельными волосами и черными насмешливыми глазами. Она умела очаровывать и играть людьми, эта холодная и эгоистическая девушка, но сама не увлекалась. Кокетничая со своими поклонниками, она втайне мечтала о приличной партии, по рассудку, и возмущала старшую свою сестру Анну и своим бессердечным кокетством, и своими слишком практическими взглядами на брак.

И адмиральша с дочерьми и их гости бывали до крайности смущены и испуганы, когда адмирал совсем неожиданно появлялся на половине адмиральши, в ее маленькой красной гостиной, после одиннадцати часов, возвратившись из клуба. Не обращая никакого внимания

на гостей и еле кивая головой на их усиленно почтительные поклоны, адмирал начинал тушить лампы, и засидевшиеся гости торопливо и смущенно прощались и уходили при общем тяжелом молчании.

- Довольно, наболтались. Спать пора! - сердито говорил адмирал и удалялся, пожимая гневно плечами.

Адмиральша благоразумно молчала в таких случаях.

Иногда, заметив покрасневшее и оживленное лицо красивой Веры, он останавливал на мгновение взгляд на дочери и презрительно кидал ей:

- Не очень-то виляй хвостом с мужчинами, принцесса! Замочишь! Ишь расфуфырилась, фуфыра!.. Неприлично!..

Подобные внезапные посещения бывали, впрочем, весьма редки и всегда лишь после проигрыша в клубе. Проигрыш свыше десяти рублей приводил адмирала в дурное расположение духа, и Никандр, знавший уже по неистовому звонку, что адмирал возвращается с проигрышем, стремглав бежал отворять двери и становился мрачней, в ожидании какой-нибудь гневной придирки. Обыкновенно же адмирал делал вид, что не знает о гостях адмиральши, и, возвратившись из клуба, прямо шел к себе, раздевался и тотчас же засыпал, как убитый.

С своей стороны и адмиральша, любившая посидеть с гостями, принимала меры против неожиданных появлений адмирала, разгонявшего так грубо ее знакомых. Приезда адмирала из клуба стерегли, и, как только раздавался его звонок, в гостиной адмиральши уменьшали огонь в лампе и все затихало, пока Никандр не сообщал кому-нибудь из молодых Ветлугиных, что адмирал разделся и лег почивать.

В одну из суббот Ветлугин возвратился из клуба мрачнее ночи. Против обыкновения, он не тотчас же лег спать. Облачившись в свой китайчатый халат, адмирал несколько времени ходил по кабинету, опустив голову, вздрагивая по временам точно от жестокой боли и судорожно сжимая кулаки. Губы его что-то шептали. Он присел затем к столу, написал своим крупным стариковским почерком телеграмму, сделав в десяти словах три грамматические ошибки, и, кликнув Никандра, стоявшего в страхе за дверями, велел немедленно ее отнести.

Когда, минут через двадцать, Никандр вернулся, в кабинете еще был огонь. Старый камердинер осторожно приотворил двери и застал адмирала сидящим в кресле перед письменным столом. Лицо его было неподвижно-сурово, и взгляд серых стальных глаз спокойно-жесток. Таким Никандр давно уже не видал своего барина и понял, что случилось что-то особенное с Леонидом Алексеичем. Телеграмма была адресована к нему в Царское село.

Никандр положил на стол телеграфную квитанцию и сдачу.

- Барыня не спит? - спросил адмирал.

- Изволят ложиться.

- Меня не жди... Ступай!

Но Никандр, заперев двери, не ушел спать, а оставался в столовой, в глубокой темноте. Удалился он лишь тогда, когда огонь в кабинете исчез и из спальни донесся кашель.

Гости адмиральши разошлись, как только Никандр доложил Анне, что барин очень сердит и посылает телеграмму Леониду Алексеичу. Анна прочла телеграмму. В ней адмирал вызывал сына с первым поездом.

Эта телеграмма встревожила Анну. Отец почти никогда не посылал телеграмм и вообще не любил их, находя, что депеши большею частью сообщают такие глупости, которые можно сообщить и в письме.

"Значит, случилось что-нибудь важное!" - решила Анна.

И страх за брата омрачил ее лицо и сделал ее лучистые глаза грустными.

"Каких натворил еще глупостей этот беспутный, легкомысленный Леонид? Опять приходил какой-нибудь кредитор, или отец узнал, что брат кутит и играет в банк? Тогда отец, наверное, исполнит свою угрозу - переведет Леонида в армию, на Кавказ, и там, в глуши, бедный бесхарактерный брат может совсем пропасть... Это было бы ужасно! И сколько раз его предупреждали: и мать и она! И сколько раз он, весело смеясь, давал им слово, что перестанет кутить. Вот теперь и будет история!"

Так раздумывала Анна, всегда близко к сердцу принимавшая всякие домашние неурядицы и горячо любившая всех членов семьи. Она жалела беспутного брата, возбудившего, как видно, серьезный гнев отца, представляла себе ужасную сцену в кабинете и придумывала, чем бы ей помочь Леониду и как бы предотвратить грозу. Но ничего она придумать не могла, и решила только завтра же, как приедет брат, отдать ему свои сто рублей.

Не желая огорчать теперь же мать, Анна не сказала ей о телеграмме к ее любимцу, и адмиральша, после ухода гостей, раздевалась при помощи молодой и миловидной горничной Насти, веселая и довольная после приятно проведенного вечера. Еще бы! Сегодня один из гостей, известный молодой юрист и немножко литератор, рассказал ей две необыкновенные романические истории и притом рассказал превосходно: со всеми подробностями и драматическими перипетиями и трагической развязкой одной истории, заставившей адмиральшу несколько раз подносить батистовый платок к глазам.

Даже сообщенное известие, что адмирал вернулся из клуба сердитый, не испортило отличного расположения духа адмиральши.

"Верно, проиграл, потому и сердитый!" - заключила она, продолжая вспоминать романические истории и рассчитывая завтра же рассказать их своей приятельнице, адмиральше Дубасовой, такой же охотнице до них, как и сама адмиральша.

Когда Анна зашла к матери в спальню проститься, адмиральша спросила ее по-французски:

- Ты как думаешь, Анюта... Ивин рассказывал действительные происшествия или сочинил их?

- А бог его знает!

- Во всяком случае, необыкновенно интересно, если даже и сочинил... Ведь все это могло быть... И он уверяет, что было...

- Значит, было...

- Но он не хотел назвать фамилий героев и героинь... И, наконец, я слышала бы об этой истории... Сдается мне, что Ивин сочинил все... Но как прелестно он говорит, Анюта!.. И вообще он очень интересен... А бедный Чернов, заметила, Анюта?

- Что, маменька?

- У него на лице что-то фатальное... страдальческое... Совсем влюблен в Веру... Вот увидишь, на днях он приедет делать предложение.

- И сделает глупость! - с живостью промолвила, невольно краснея, Анна.

- Глупость?

- Еще бы! Ведь Вера не пойдет за него.

- Это почему? Чернов такой милый и порядочный молодой человек... И из хорошей семьи. И Вера сегодня была с ним особенно любезна.

- Она любит со всеми кокетничать, наша Вера, но ее сердце спокойно, и едва ли она считает Чернова достойным быть ее супругом! - промолвила, по-видимому спокойно, Анна.

Но голос ее дрогнул. Этот разговор задел больную струну ее горячего сердца. Она сама давно уже втайне питала любовь к Чернову, влюбленному в ее сестру.

- Ну и дура эта Вера! Принца ей, что ли, надо, чтобы влюбиться? воскликнула адмиральша.

Анна не сочла нужным объяснить, что холодной и практической Вере нужна "блестящая партия", то есть муж с положением и большими средствами, и что сильно любить она не способна. Анна промолчала и, простившись с матерью, медленно вышла из комнаты, оставив адмиральшу в неприятном недоумении, точно перед совершенно неожиданной развязкой романа. Дело в том, что с некоторого времени адмиральша задалась мыслью соединить два любящие сердца, уверенная, что Вере Чернов очень нравится. Что Чернов влюблен, в этом не было сомнения. Оставалось только сделать предложение. Отец, наверное, согласился бы на этот брак. Он, видимо, благоволил к молодому капитан-лейтенанту, пользовавшемуся репутацией образованного и блестящего моряка и уже назначенному, несмотря на свои двадцать шесть лет, командиром клипера. И вдруг все эти ее планы должны были рушиться. Анна, кажется, права.

"Глупая, холодная девчонка!" - подумала адмиральша и отпустила спать свою милостивую, с вздернутым задорно носом, Настю, на которую уж адмирал в последнее время начинал пристально заглядываться и раз даже, встретив Настю в коридоре и любуясь ее "товаром" с видом опытного знатока, взял ее за подбородок и как-то особенно крякнул.

XIV

Никандр только что помолился и собирался лечь спать в своей тесной каморке, рядом с кухней, как вдруг среди тишины, нарушаемой лишь по временам храпом повара Лариона, на кухне звякнул чей-то нетерпеливый звонок.

Никандр, со свечой в руке, пошел отворять двери и был изумлен, увидав перед собой Леонида Ветлугина. Он был, видимо, смущен и расстроен, этот блестящий красавец, высокий и статный блондин с большими черными, несколько наглыми, глазами, сводивший с ума немало женщин своею ослепительною красотой. Всегда веселый и смеющийся, он был теперь подавлен.

- Отец спит? - спросил он, входя на кухню.

- Недавно легли. Теперь, верно, почивают, Леонид Алексеич! - отвечал Никандр с какою-то особенной почтительной нежностью.

- А маменька?

- Барыня, верно, еще не спят...

- Ну, и отлично... Мне надо маменьку видеть.

- Пожалуйте... Я вам посвечу... Только дозвоьте сюртук надеть...

Через минуту Никандр вернулся из каморки и сказал:

- А вам, Леонид Алексеич, барин час тому назад телеграмму послали.

- Телеграмму?

- Точно так-с... Просят завтра с первым поездом пожаловать.

Леонид как-то весь съежился и прошептал:

- Узнал уж?... Ну, да все равно... Что, он очень сердит?

- Сердитые вернулись из клуба... и не сразу легли... В очень угрюмой задумчивости сидели... Да что такое случилось, Леонид Алексеич?

- Скверные, брат Никандр, дела!

- Бог даст, лучше будут, Леонид Алексеич!.. А я вот к вам с покорнейшей просьбой... Не откажите, Леонид Алексеич!.. - прибавил Никандр с почтительным поклоном.

- Какая просьба, Никандр?... - удивился молодой Ветлугин.

- Быть может, вы временно в денежном затруднении-с, Леонид Алексеич... Так удостойте принять от слуги... Разживетесь, отдадите... У меня есть четыреста рублей... Скопил-с за время службы в вашем доме...

Леонид был обрадован.

- Спасибо, голубчик Никандр. Деньги мне до зарезу нужны... И завтра непременно, иначе беда... Я затем и к маменьке приехал... Мне много денег нужно... Попрошу ее где-нибудь достать... И у тебя возьму... Скоро возвращу...

- Об этом не извольте беспокоиться... Как будете от маменьки возвращаться, я вам их приготовлю... Искренне признателен, что приняли... и дай вам бог из беды выпутаться, Леонид Алексеич! - горячо проговорил Никандр.

- Беды-то много, Никандр... Много, братец!

Когда адмиральша увидала в этот поздний час своего любимца Леню, бледного и убитого, сердце матери екнуло от страха.

- Спасите, маменька! - проговорил Леонид.

И он стал объяснять, что ему нужно завтра же тысячу двести рублей: иначе он может попасть под суд.

- Ах, Леня, - произнесла только адмиральша и залилась слезами.

- Маменька! Слезы не помогут. Можете ли вы меня спасти? И без того мне плохо... Я должен выйти из полка и уже подал в отставку.

- В отставку?... За что?..

- За что?... За долги... На меня жаловались!.. - как-то неопределенно отвечал Леонид.

- Но что скажет отец?

- Что скажет? Он уже знает и завтра приказал явиться. Будет ругаться, как матрос, я знаю, и прикажет не являться на глаза. Так разве можно служить в нашем полку на жалованье да с теми несчастными сорока рублями в месяц, которые он мне давал?.. Посудите сами... К чему же отец разрешил мне служить в кавалерии?.. Ну, я и наделал долгов, думал попытать счастья в игре, не повезло, и у меня на шее пятнадцать тысяч долга.

Адмиральша ахнула при этой цифре.

- Кто ж их заплатит?..

- Разумеется, не отец... Он ведь предпочтет видеть меня скорей в гробу, чем заплатить за сына. Скарעד он... Но у меня есть выход... Я женюсь на богатой.

- На ком?

- На одной вдове... купчихе... И старше меня.

- Фи, Леня! Купчиха! Какой mauvais genre... * Ветлугин - на купчихе! Отец не позволит!

* Дурной тон (франц.). - П р и м. р е д.

- Разбирать нечего, маменька. Или пулю в лоб, или женитьба. Я предпочитаю последнее... Позволит ли отец, или нет, мне теперь все равно... Мне надо выпутаться... Но пока я еще не богат, выручите меня. Понимаете ли, мне нужно тысячу двести рублей не позже завтрашнего дня... Я бросался повсюду и наконец приехал к вам. На вас, маменька, последняя надежда... Дайте ваш фермуар*, я его заложу... После свадьбы выкуплю.

* Ожерелье с застежкой (от франц. fermoir - застежка).

П р и м. р е д.

- Леня, голубчик. А если отец узнает?

- Отец узнает? Что ж, вам лучше видеть меня под судом за растрату?

- Что ты, что ты, Леня?.. Как тебе не стыдно так говорить? Бери фермуар, если он может спасти тебя от позора, мой мальчик!

Сын бросился целовать руки матери и через четверть часа ушел, оставив мать в смятении и горе.

Никандр проводил молодого Ветлугина и почтительно вручил ему все свои сбережения.

- Завтра буду в одиннадцать часов! - проговорил Леонид, уходя.

- Слушаю-с, Леонид Алексеич... Быть может, папенька за ночь и "отойдут"! - прибавил Никандр, желая подбодрить молодого Ветлугина.

Но эти ободряющие слова не утешили Леонида. Он с каким-то тупым страхом виноватого животного думал о завтрашнем объяснении с грозным адмиралом.

XV

За ночь адмирал "не отошел" и вышел к кофе мрачный и суровый. Выражение какой-то

спокойной жестокости не сходило с его лица.

Отправляясь на обычную прогулку, адмирал сказал Никандру:

- Если без меня приедет Леонид Алексеич - пусть подождет.

Он вернулся ранее обыкновенного и тотчас же спросил:

- Он здесь?

- Никак нет. Еще не приезжали!

Все в доме уже знали, что с Леонидом случилась большая беда и что он выходит из полка. Адмиральша с трепетом ожидала свидания Леонида с отцом. Анна не смыкала всю ночь глаз и теперь сидела у себя в комнате, печальная, предчувствуя нечто страшное. Она знала непомерное самолюбие отца и понимала, как должен быть он оскорблен и отставкой сына и, главное, этой невозможной, позорной женитьбой. Одна только Вера, по-видимому, довольно равнодушно относилась ко всей этой истории и думала, что жениться на богатой купчихе далеко не преступление.

Наконец, в одиннадцать часов приехал Леонид. Он был в своем блестящем мундире очень красив. Лицо его, бледное и взволнованное, выражало испуг. Глаза глядели растерянно.

- Ну, докладывай, Никандр, - проговорил он и хотел было улыбнуться, но вместо улыбки лицо его как-то болезненно искривилось.

Через минуту он входил в кабинет. Адмиральша в слезах послала ему из столовой благословение. Мрачный Никандр перекрестился.

При виде этого красавца сына адмирал вздрогнул и побледнел. Ненавистью и презрением дышало его жестокое лицо.

Он не обратил внимания на поклон сына и сказал:

- Затвори двери на ключ!

Когда Леонид затворил, адмирал глухим голосом, точно что-то перехватывало ему горло, продолжал:

- Подойди ближе.

Леонид приблизился.

- Остановись и отвечай на вопросы.

Он примолк на минуту и спросил:

- Правда, что тебя выгоняют из полка за долги?

- Правда, папенька.

- Только за это?

- За это.

- Лжешь, подлец! Вчера мне все рассказал твои полковой командир.

Леонид в ужасе замер.

Адмирал продолжал допрос.

- Правда ли, что ты, носящий фамилию Ветлугина, взял деньги у бедной швеи, с которой был в связи, и не отдал ей денег, так что она принуждена была жаловаться командиру полка?

- Правда, - чуть слышно прошептал Леонид.

- Правда ли, что ты дал подложный вексель, подписанный чужим именем?

- Правда! - прошептал Леонид. - Но я уплатил по этому векселю.

- Правда ли, наконец, что ты собираешься жениться на богатой вдове купца Поликарпова, бывшей содержанке князя Андросова?

- Да! - отвечал бледный как смерть Леонид.

- И после всего этого ты еще живешь на свете, - ты, опозоривший честное имя Ветлугиных? - продолжал адмирал хриплым шепотом.

Леонид молчал в тупом отчаянии.

- Послушай... Мертвые срама не имут. Если ты боишься, я тебе помогу... Хочешь? Пиши записку, что ты застрелился... Смерть лучше позорной жизни... Пистолет у меня есть...

Адмирал проговорил эти слова с ужасающим спокойствием, и в тоне его голоса как будто даже звучала примирительная нота.

Панический страх обуял Леонида при этом жестоком предложении. Он бросился к ногам отца и стал молить о пощаде.

Тогда произошла ужасная сцена. Адмирал моментально превратился в бешеного зверя.

- Так ты не хочешь, подлец?! - заревел он и, вскочив с кресла, стал топтать ногами распростертого сына.

И когда тот, наконец, поднялся, адмирал начал бить кулаками красивое, когда-то счастливое, смеющееся лицо Леонида. Его тупая, безответная покорность, казалось, усиливала ярость адмирала. Он был невыразимо отвратителен в эти минуты, этот деспот-зверь, не знавший пощады.

Отчаянный стук Анны в двери несколько отрезвил бешеного адмирала.

- Гадина!! Ты мне больше не сын! - крикнул он, задыхаясь.

- А вы мне больше не отец! - в каком-то отчаянии позора отвечал Леонид и выбежал из комнаты, избитый и окровавленный.

Анна рыдала, а бедная мать была в истерике.

С тех пор имя Леонида Ветлугина никогда не упоминалось при адмирале. Его как будто не существовало.

Он женился на бывшей содержанке, уехал с ней за границу, года в два промотал женино состояние и, вернувшись один в Россию, жил где-то в глуши. Мать и Анна тайком от отца помогали ему. Вскоре Леонид заболел чахоткой и, почти умирающий, написал отцу письмо с просьбой о прощении, но адмирал не ответил на письмо сына.

Месяцев шесть спустя, адмиральша однажды пришла к мужу и, рыдая, сказала, что Леонид скончался.

- И слава богу! - сурово промолвил отец.

XVI

Старый адмирал, недовольно и скептически относившийся к освободительному движению шестидесятых годов, грозившему, по его мнению, разными бедами, в то же время, по какому-то странному противоречию, не смотрел неприязненно, по примеру большинства помещиков, на крестьянскую реформу. Твердо веровавший в дворянские традиции, считавший "благородство происхождения" необходимым качеством порядочного человека, гордившийся древностью дворянского рода, Ветлугин никогда не был завзятым крепостником и, как помещик, был довольно милостивый и, по тем временам, даже представлял исключение.

Он отдал в пользование всю помещичью землю крестьянам и брал с них самый незначительный оброк, причем часто прощал недоимки, если староста, выбранный самими же крестьянами, представлял резонные к тому доводы, так что крестьянам Ветлугина, знавшим о грозном барине только по наслышке, от тех односельцев, которые служили у адмирала в доме, - жилось спокойно и хорошо. Барина своего они почти не видали - усадьбы господской не было в имении - и только в последнее время, когда адмирал перешел из Черного моря на службу в Петербург и приезжал иногда по летам гостить к младшему своему брату в Смоленскую губернию, он заглядывал в свои Починки на час, на два, встречаемый торжественно всей деревней.

Отношения между барином и его вотчиной обыкновенно ограничивались лишь тем, что раз в год, в ноябре месяце, староста Аким, умный и степенный старик, уважаемый своими односельцами и крепко преданный интересам деревни, отсылал "сиятельному адмиралу и кавалеру", как значилось на конверте, изрядную пачку засаленных бумажек при письме, писанном каким-нибудь грамотеем под диктовку Акима. В этих письмах подробно сообщалось о всех событиях и выдающихся случаях, бывших в течение года: о рождениях и смерти, браках, очередных рекрутах, об урожае или недороде, о пожарах, падежах и т. п. Письма всегда были строго деловые, без всяких изъявлений чувств, ибо адмирал раз навсегда приказал "подобных пустяков" не писать. Адмирал немедленно же отвечал старосте о получении денег в самой лаконической форме. Иногда только в его ответных письмах прибавлялось приказание: выслать к такому-то времени на подводе с надежным человеком "расторопного мальчишку" или "девку" лет пятнадцати для службы в адмиральском доме. Относительно "девки" адмирал всегда давал некоторые пояснения, выраженные в кратких словах, а именно, чтобы выслали "почище лицом, здорового сложения, не рябую и не корявую". Приметы эти заканчивались строгим наказом своеобразного эстетика адмирала: "Тощей, безобразной и придурковатой девки отнюдь не высылать".

Надо, впрочем, сказать, что приказания о высылке "расторопных" мальчишек и "девок почище лицом" посылались не очень часто, так как штат крепостной прислуги в адмиральском доме был, для крепостного времени, не особенно велик. Во время службы адмирала в Черном море из мужской прислуги крепостными были камердинер Никандр, кучер да казачок. Обязанности лакея адмиральши и повара исполняли обыкновенно денщики из матросов. Долгое время в поварях у адмирала жил один поляк Франц из арестантских рот, особенно любимый адмиралом за его мастерское знание своего дела. И, несмотря на то, что этот Франц был отчаянный картежник и пьяница и притом буйный во хмелю, часто пугавший адмиральшу своим видом, - адмирал все-таки держал Франца, хотя и нередко приказывал "спустить ему шкуру". Бесшабашный повар всегда, бывало, грозил большим кухонным ножом тому, кто подступится к нему для исполнения адмиральского повеления, и когда, наконец, несколько человек матросов связывали его и приводили на конюшню, он и под жестокими

ударами розог кричал, что не боится "пана-адмирала", что покажет ему себя, и при этом костил адмирала всякими ругательствами. Но когда Франц вытрезвлялся, он снова становился тихим и покорным человеком и проводил свободное время за чтением книг, держась особняком от прочей прислуги и взирая на нее даже с некоторым высокомерием шляхтича, каким он себя называл. Во время больших званых обедов Франц всегда отличался на славу. Он в такие дни остерегался напиваться и не пускал никого к себе на кухню, работая один, без помощников в течение ночи, так что прочая прислуга пресерьезно говорила, что "поляку помогают черти". Так Франц прожил в адмиральском доме лет шесть, почти все время своего пребывания в арестантских ротах, и затем, отбыв наказание, уехал на родину, в Польшу, о которой говорил всегда с любовью и восторгом.

Женской прислуги из крепостных бывало больше. Кроме старой Аксиньи Петровны, вынянчившей чуть ли не все поколение молодых Ветлугиных и обязательно не любившей ни одной бонны и гувернантки, которым Аксинья Петровна устраивала всякие каверзы, и прачки, в доме находилось несколько молодых горничных. У адмиральши было две (одна для шитья), и по одной у каждой из дочерей, как только последние приезжали из института. По выходе адмиральских дочерей замуж горничные эти поступали в их владение в числе приданого.

При каждом прибытии из деревни подростка девушки ее приводили на смотр адмиралу и адмиральше. Если привезенная была недурна собой, он как-то особенно выпячивал нижнюю губу и милостиво трепал по щеке оторопевшую и смущенную девушку.

- Ну, девчонка, смотри, служи хорошо! - говорил не особенно строгим тоном адмирал, приказывая Никандру отвести ее к барыне.

В таких случаях мужик, привезший девушку, получал серебряный рублевик и наказ передать старосте барское спасибо.

Но когда вновь прибывшая не отвечала почему-либо вкусам адмирала, он без всякого милостивого слова приказывал отвести ее к супруге и сердито выговаривал мужику:

- Лучше у вас в деревне девки, что ли, не было, что прислали такого одра?

- Не было, барин, не было, ваше светлейшее присходительство! Самую чистую тебе предоставили... Была у Корнея дочка, ничего, жога, да в рябовинках малость...

- Ступай! - резко обрывал адмирал и недовольно крякал.

Адмиральша, напротив, бывала в последнем случае довольна. Зато, чем пригожее была привезенная девушка, тем более сжималось сердце ревливой адмиральши, предвидевшей в очень близком будущем новое испытание для своей ревности и новое оскорбление своему самолюбию.

И, надо сказать правду, адмиральша редко ошибалась в своих предчувствиях.

Весьма часто, если не всегда, все эти молоденькие девушки делались жертвами похотливого адмирала. Если они готовились быть матерями, их выдавали замуж или отправляли обратно в деревню с приказом старосте: пристроить девку и прислать новую.

Таким образом адмирал женил и Никандра и кучера Якова. Никандр именно с тех пор, говорят, и сделался мрачным, и когда года через четыре овдовел, потеряв перед тем двух детей, адмиральских крестников, то не обнаружил особенного горя от этих потерь и, как огня, боялся новой женитьбы по распоряжению барина. По счастью для Никандра, адмирал более не сватал своего камердинера.

Одна из таких жертв адмиральского каприза сделалась даже настоящей фавориткой

влюбившегося в нее адмирала. Он нанял для нее квартиру в отдаленной Матросской слободке, отделал квартиру не без роскоши и, купив для своей фаворитки белья и платьев, переселил ее в устроенный им "приют любви", приставив к ней старую женщину, исполнявшую обязанности прислуги и в то же время аргуса. Нечего и говорить, что фаворитке строго запрещалось выходить куда-нибудь одной и принимать кого-нибудь. Эта связь была, конечно, известна всем, и многие молодые мичмана частенько прогуливались в слободке, пытаясь обратить на себя внимание красивой чернобровой Макриды с роскошной косой и ослепительными зубами. Но Макрида только лукаво играла глазами и держала себя неприступно, так что подозрительность адмирала была усыплена настолько, что он позволил Макриде, вместо приставленной им старухи, нанять прислугу по своему выбору.

Так продолжалось года три. Связь эта, к ужасу адмиральши, не прекращалась, и адмирал все более и более привязывался к своей Макриде, как вдруг совершенно неожиданно фавор Макриды окончился и притом весьма для нее трагически.

XVII

Однажды адмирал, вернувшийся с эскадрой на рейд поздно вечером, съехал на берег и отправился пешком в слободку.

Был двенадцатый час на исходе теплой, душистой южной ночи. Полная луна лила свой мягкий свет на маленькие белые домики тихой спящей слободки, но в "приюте любви" адмирала из-за густой листвы садика весело мигал огонек. Этот огонек возбудил в адмирале подозрительное удивление, и он тихими шагами подошел к домику. Подозрение его усилилось, когда калитка оказалась незапертой. Сердито ерзая плечами, он вошел во двор и тихо постучал в двери. За дверями послышалась беготня, и испуганный голос кухарки звал "Макриду Ивановну".

Тогда адмирал, легко гнувший подковы, рванул дверь и, грозный, с побледневшим лицом и сверкающими глазами, очутился в прихожей. Кухарка, увидевши барина, только ахнула и уронила в страхе свечку. Адмирал шагнул в комнаты и в ту же минуту услышал стук отворенного в спальне окна и чей-то скачок в сад. В ту же секунду адмирал разбил окно в передней комнате и, заглянув вниз, увидел при нежном свете предательницы луны стройную фигуру поспешно удаляющегося знакомого молодого мичмана, на ходу натягивающего сюртук.

Адмирал молча заскрежетал зубами в бессильной ярости, видя, как молодой мичман перелез через ограду садика и был таков.

Повернув голову, он увидел в дверях Макриду в одной рубашке, с обнаженной грудью и распущенными роскошными волосами, спускавшимися до колен. Со свечой в руках, освещавшей ее красивое, бледное как смерть лицо, она глядела с безмолвным ужасом на грозного адмирала. Адмирал отвел от нее взгляд, и плечи его вздрагивали. Он молчал, и это молчание обдавало смертельным холодом несчастную девушку. И она в каком-то отчаянии опустила на колени, с мольбой сложив свои обнаженные белые руки.

Адмирал молча вышел, через четверть часа был уже на пристани и отвалил на ожидавшей его гичке на свой флагманский корабль.

Вахтенный офицер, встретивший его, заметил, что адмирал был чем-то очень расстроен и имел самый "освирепелый вид".

На следующий же день весь город и вся эскадра знали о вчерашнем скандале, и между молодежью было много смеха. Адмирал с утра съехал на берег, приказав двум боцманам явиться к нему с линьками к одиннадцати часам вечера.

Целый день адмирал был мрачен. Адмиральша уже узнала о вчерашнем скандале и была очень довольна, что приводило адмирала в большее бешенство. Все в доме с трепетом ждали расправы... Уже с утра Макрида была заперта в сарае, одетая в затрапезное платье. Чудные волосы ее были, по приказанию адмирала, острижены.

В одиннадцать часов вечера адмирал вместе с двумя боцманами удалился в конюшню, куда привели и Макриду. Двери были наглухо затворены, но, несмотря на это, оттуда раздавались раздирающие душу крики и стоны. Потом все затихло. Адмиральша, потрясенная, теперь жалела несчастную Макриду. Полумертвую, ее ночью отнесли в слободку и через две недели отправили, еще не совсем оправившуюся, в деревню, где она впоследствии спилась и через несколько лет умерла.

Дочь Макриды, слишком похожая на адмирала, была помещена на воспитание и затем отдана в пансион в Петербурге. Адмирал любил свою, как он называл, "воспитанницу", часто навещал ее, и она изредка, по воскресеньям, приходила в ветлугинский дом на короткое время. И добрая адмиральша ласкала эту девочку, наделяла ее лакомствами и нередко плакала, вспоминая свои обиды и жалея бедную "батардку", как адмиральша про себя называла девочку. Когда эта девочка шестнадцати лет умерла, - адмиральша искренне ее оплакивала и была вместе с мужем на ее похоронах.

XVIII

Вскоре после обнародования манифеста об освобождении крестьян адмирал однажды призвал сыновей в кабинет и сказал им:

- Наше родовое имение не велико... После надела останется всего пятьсот десятин... Делить его между вами не стоит... Как ты полагаешь, Василий? - прибавил он, обращаясь к старшему сыну, высокому, плотному моряку, лет тридцати пяти, очень похожему на адмирала лицом.

- Полагаю, что не стоит.

Не спрашивая мнения других сыновей, Николая и Гриши, адмирал продолжал:

- Мое намерение - отдать всю землю крестьянам и не брать с них ничего за надел... Им это на пользу, и они помянут добром Ветлугиных. Не правда ли?

На лице Гриши при этих словах промелькнуло невольное грустное выражение, хотя он и первый поторопился сказать:

- Конечно, папенька... Такой акт милосердия...

- Тебя пока не спрашивают! - резко перебил адмирал, заметивший печальную мину почтительного Гриши. - Как ты полагаешь, Василий?

- Доброе сделаете дело, папенька! - отвечал моряк.

- И я так думаю... Надеюсь, что и отсутствующий Сергей так же думает... А ты, Николай?

- И я нахожу, что это справедливо.

- Ну, а ты, Григорий, уже поспешил апробовать "акт милосердия", иронически подчеркнул адмирал. - Значит, и делу конец.

Наступила короткая пауза, во время которой адмирал достал из письменного стола какой-то исписанный цифрами клочок бумаги и затем сказал:

- Взамен имения, которое должно бы быть разделено на четыре части, ибо сестер ваших я

уже выделил деньгами, по три тысячи на каждую...

- На пять частей, папенька? - перебил отца старший сын. - Вы, верно, забыли, что всех нас пять братьев, - прибавил моряк, вспоминая об опальном Леониде.

- Я помню, что говорю! - крикнул, вспыхивая, адмирал и продолжал: так вместо родового имени я выдам каждому из моих четырех сыновей (адмирал подчеркнул "четырёх") деньгами, какие причитаются за выкупную ссуду и за пятьсот десятин... На каждого из вас придется по четыре тысячи... вот здесь на бумажке и расчет...

И адмирал кинул на стол бумажку, исписанную цифрами.

- Хочешь посмотреть, Григорий? - насмешливо заметил адмирал повеселевшему сыну.

Гриша покраснел как рак и не двинулся с места.

- Деньги эти предназначены из аренды, которую мне недавно пожаловал государь император на двенадцать лет по две тысячи и которые мне выдадут сразу. Других денег у меня нет... Из этой же аренды Анна и Вера получают свои приданные деньги... Согласны?

Все, конечно, согласились, после чего адмирал их отпустил, объяснив, что Василий получит деньги через месяц, а Николай, Григорий и Сергей - по достижении тридцатилетнего возраста.

- А затем ни на что не рассчитывайте! - крикнул им вдогонку адмирал.

Когда мужики через старосту Акима узнали о милости барина, они сперва не поверили, - до того это было неожиданно. Но бумага, присланная адмиралом старосте, окончательно убедила мужиков, и они благословляли барина, простив все его тяжкие вины относительно многих своих дочерей. Староста Аким приезжал потом в Петербург благодарить адмирала, и грозный адмирал, видимо, был тронут искренней и горячей благодарностью деревни в лице ветхого старика Акима, которого он не допустил к руке, а милостиво пожал ему руку и несколько минут с ним беседовал.

На другой день после разговора с сыновьями адмирал сказал рано утром Никандру:

- Люди, конечно, знают о воле, которую даровал им государь император. Объяви им, что кто не хочет у меня оставаться, может через неделю уходить.

- Слушаю, ваше высокопревосходительство!

- Иди и сейчас же принеси ответ!

Никандр и без того знал, что решительно все, за исключением Алёны, горничной Анны, да Настасьи, горничной адмиральши, собирались уходить. Уже давно на кухне шли об этом разговоры, и после манифеста радости не было конца. Все осеняли себя крестными знаменами и облегченно вздыхали при мысли, что они свободны и могут избавиться от вечного трепета, который наводил на всех грозный адмирал.

Через пять минут Никандр вошел в кабинет.

- Ну, что? Кто уходит?

- Ефрем, ваше высокопревосходительство.

- И пусть. Лодырь. А Ларион?

- Тоже просится...

- А Артемий кучер?

- Хочет побывать в деревне, повидать детей.

- Гм... И Федька, пожалуй, тоже уходит? - осведомился, хмурясь все более и более, адмирал о пятнадцатилетнем казачке.

- Хочет в ученье в портные поступить, ваше высокопревосходительство! - докладывал Никандр с какою-то особенною почтительностью.

Адмирал помолчал и, сурово поводя бровями, продолжал:

- А девки?

- Олена да Настасья хотят остаться, если будет ваше желание.

Адмирал недовольно крякнул и снова помолчал.

- Нанять повара, кучера и лакея для барыни! - приказал он. - Да смотри, людей порасторопнее... Насчет жалованья сам переговорю.

- Слушаю-с, ваше высокопревосходительство! - отвечал Никандр, видимо, сам чем-то озабоченный.

- Двух девок довольно, - продолжал адмирал. - Алена может ходить за двумя барышнями, а если Настасья передумает и не останется, барыня сама найдет себе горничную... А прачки не нужно... Можно отдавать стирать белье...

- Слушаю-с!

Адмирал снова смолк и вдруг спросил:

- Ну, а ты как, Никандр? Останешься при мне или нет?

В голосе адмирала звучала беспокойная нотка.

Никандр смутился.

- Я положу десять рублей жалованья, а если тебе мало - прибавлю...

- Я, ваше высокопревосходительство, не гонюсь за жалованьем. И так, слава богу, одет и обут...

- Так остаешься?

- Я бы просил уволить меня...

Адмирал насупился и стал мрачен. Этот Никандр, к которому он так привык, и тот собирается уходить. Этого он не ожидал.

А Никандр между тем продолжал робко, точно виноватый:

- Я, ваше высокопревосходительство, имею намерение сходить на богомолье, в Иерусалим.

- В Иерусалим? - переспросил озадаченный адмирал.

- Точно так-с.

- Зачем тебе туда?

- Сподобиться видеть святые места и помолиться искупителю грехов наших... Уже давно о сем было мое мечтание, ваше высокопревосходительство.

Адмирал удивленно взглянул на Никандра, лицо которого теперь было торжественно и серьезно и не имело обычного мрачного вида.

- Ну, что ж, если ты такой дурак, ступай себе в Иерусалим! - сердито воскликнул адмирал. - Скоро собираешься? - прибавил он.

- Как разрешите, ваше высокопревосходительство!

- Мне что разрешать? Ты теперь свободный... Подыщи мне человека и уходи! - раздраженно заметил старик.

- Покорно благодарю, ваше высокопревосходительство.

Никандр удалился, а адмирал долго еще сидел в кабинете, угрюмый и озадаченный.

Тяжело было вначале адмиралу привыкать к новым лицам и, главное, не видеть вокруг себя того трепета, к которому он так привык. Приходилось сдерживаться и не давать воли рукам, которые так и чесались при виде какого-нибудь беспорядка. А угодить такому ревнителю чистоты и порядка, как адмирал, было трудно. И он иногда не сдерживался и дрался... Прислуга уходила, нередко жаловалась, и адмиралу приходилось отплачиваться деньгами... Вдобавок уже ходили слухи о мировых судьях. Все эти новые порядки все более и более раздражали адмирала, и он срывал свое сердце на жене и на детях, для которых оставался прежним грозным повелителем.

Жизнь в доме становилась адом. Адмирал все делался угрюмее и злее. Обеды, когда собиралась семья, бывали мучением для всех домашних. Вдобавок адмиральша не смела уже более принимать у себя, даже и по субботам, никого из гостей, почему-либо неприятных адмиралу. По-прежнему адмирал целые дни сидел запершись у себя в кабинете, и одно сознание его присутствия нагоняло на всех испуг... Только по вечерам все вздыхали свободнее.

Адмирал почти каждый вечер уходил к новой своей фаворитке, бывшей горничной жены, Насте.

XIX

Прошел год, и младшая дочь адмирала, Вера, нашла себе жениха. Правда, он был лет на тридцать ее старше и болезненный человек, но зато генерал, с хорошим положением и состоянием. Старый адмирал, казавшийся перед генералом совсем молодцом, был очень удивлен, когда, передавая предложение дочери, тотчас же получил ее согласие.

- Ты обдумала? - спросил он.

- Обдумала, папенька!

- И он тебе больше Чернова нравится?

- Он мне нравится!

- Что ж, я согласен, коли ты так хочешь... Ступай замуж... Тебе, фуфыре, давно пора...

И, взглядывая на красавицу Веру с презрением, заметил:

- Расчетлива, сударыня. Из молодых да ранняя. Ты с Григорием в масть... Пожалуй, и он на

старушке женится, коли у старушки будет состояние... Поздравляю!.. Только смотри, будь верной женой, а то и такой дохлый, как твой будущий супруг, выгонит тебя из дому как шлюху! А уж я тебя потом не приму! - сурово прибавил адмирал.

Вера расплакалась.

- Ступай к себе нюнить! - прикрикнул адмирал. - Тоже нюня! Сама выходит за расслабленного, а туда же, обижается!..

По выходе замуж Веры в доме адмирала стало еще мрачнее. У адмиральши почти никто не бывал, и некому ей было рассказывать любовных историй... Анна целые дни читала, а адмиральша, не умевшая обходиться без общества, стала чаще посещать знакомых и возвращалась лишь к обеду, стараясь и вечером уехать куда-нибудь поболтать.

В один из зимних вечеров адмиральшу привезли домой без чувств в карете и перенесли в спальню. Анна, остававшаяся одна дома, тотчас же послала за доктором, который объявил, что с адмиральшей удар.

Анна не отходила от матери, которая лишилась языка и только мычала, грустно поводя своими добрыми глазами на всех скоро собравшихся у постели детей. Адмирала не было дома. Хотя все знали, что он проводит вечер у своей новой фаворитки, но не решались за ним послать туда. Наконец, в двенадцатом часу, адмирал вернулся, вошел в спальню и, увидавши жену уже в агонии, наклонился над умирающей и крепко поцеловал ее. Адмиральша, казалось, узнала мужа, как-то жалобно и грустно замычала, и крупные капли слез скатились из ее глаз. Рукой, не пораженной ударом, она взяла руку адмирала и приложила к своим запекшимся губам.

Через полчаса ее не стало, и грозный адмирал ушел из ее комнаты со слезами на глазах. Почти всю ночь он пробыл около трупа в глубокой задумчивости. О чем вспоминал он, часто взглядывая на спокойное и доброе лицо покойницы? Это было его тайной, но видно было, что совесть его переживала тяжкие испытания, потому что под утро он вышел из спальни жены совсем осунувшийся и, казалось, сразу постаревший.

Похороны были блестящие, и к весне над могилой адмиральши стоял великолепный памятник.

Первое время после смерти жены адмирал как-то притих. Он был по временам необычно ласков с Анной и за обедом не бранил сыновей и не глумился над Гришей. И со слугами был терпимее.

Но прошло полгода, и все это изменилось. Жизнь Анны стала настоящим испытанием. Адмирал точно находил удовольствие ее мучить, пользуясь ее кротостью, которая, казалось, его по временам приводила в бешенство. В минуты раздражения он корил, что она старая девка и не умела вовремя выйти замуж.

- Теперь небось никто не возьмет! - язвительно прибавлял адмирал.

Анна со слезами на глазах уходила к себе в комнату и горько раздумывала о своей судьбе... Она видела ясно, что ее присутствие почему-то стесняет отца.

"Уж не задумал ли он жениться на Насте?" - думала иногда Анна со страхом и отвращением, оскорбляясь за память матери.

Доставалось от адмирала и сыновьям, и они стали реже приходить обедать к адмиралу, так что часто адмирал обедал вдвоем с Анной и в это время давал волю своему раздражению.

За кроткую Анну пробовал вступиться однажды старший брат Василий. Приехавши как-то раз из Кронштадта, он пришел к отцу и стал говорить ему о тяжелой жизни Анны.

- Она тебе жаловалась на меня? - крикнул адмирал.

- Нет, не жаловалась, но я сам вижу.

- Видишь? Ты видишь? Ты за собой смотри... Яйца курицу не учат! Ступай вон! - вдруг загремел голос адмирала.

Моряк пожал плечами и пошел к Анне. Та пришла в ужас, когда узнала, что брат из-за нее поссорился с отцом, и сказала, что она не бросит отца, если только он сам не предложит ей оставить дом.

На другой же день за обедом адмирал сказал Анне:

- Ты жаловалась на меня, а?

- И не думала, папенька.

- Думаешь, братец заступится... а наплевать мне на твоего братца и на всех вас... Тоже хороши дети! Я поступаю, как хочу. Никто мне не указ. Слышишь ли, дура?

- Слышу, папенька.

- То-то же... И захочу, так и женюсь, если вздумается! - вдруг неожиданно крикнул адмирал, точно желая подразнить свою дочь. - Да... И женюсь, коли вздумаю... И женюсь!

Анна молчала и со страхом думала: "Неужели это отец серьезно говорит?"

Месяца через два после этого адмирал однажды объявил ей, что хочет совсем уехать из Петербурга и поселиться где-нибудь в маленьком городке на юге.

- Стар стал и хочу отдохнуть... Да и климат там лучше... А ты оставайся здесь... Живи с Василием или с сестрой. Я тебе буду давать сто рублей в месяц... А то мы только друг друга раздражаем. Захочешь навестить меня, буду рад!.. Не бойсь, не женюсь, - шутливо прибавил он.

И скоро после этого разговора адмирал получил бессрочный отпуск и переехал в маленький глухой городок в Крыму вместе с Настей, а Анна перебралась к старшему брату Василию.

XX

Прошло более десяти лет с тех пор, как адмирал уехал из Петербурга.

Четыре первые года он прожил в маленьком глухом городке на юге, под конец соскучился в захолустье, где нельзя было иметь приличную для него партию в преферанс, и переехал в губернский город N.

Там, в небольшом одноэтажном домике, окруженном густым садом, адмирал доживал свой век, вдали от детей, вдвоем с неразлучной Настасьей, жившей у него под названием экономки.

Старый адмирал так привязался и привык к своей раздобревшей, цветущей здоровьем, пышной и румяной экономке, что страшился мысли расстаться с ней. Умная и ловкая, умевшая нравиться сластолюбивому старику и угождать ему, никогда не возбуждая его ревнивых подозрений, Настасья хорошо сознавала силу своей власти и была, кажется, первой и последней женщиной, которая могла сказать, что держит грозного адмирала в руках.

Обыкновенно расчетливый даже и в любовных своих похождениях, не любивший зря бросать деньги, он, на закате своей жизни, стал проявлять щедрость и, задобривая "Настеньку" (так адмирал называл свою экономку), часто одаривал ее деньгами, вещами и платьями, требуя, чтобы она всегда одета была хорошо и к лицу. Однажды даже старик намекнул, что за верную службу и преданность он осчастливит Настеньку после своей смерти.

- Я и так осыпана вашими милостями, благодетель барин! - воскликнула молодая женщина. - Живите себе на здоровье... Вы еще совсем молодец! прибавила Настя, зная, что подобный комплимент был приятнее всего старику.

- Да, осчастливлю... Все, что у меня есть, тебе оставлю...

Настасья, уже скопившая кое-что, никак не рассчитывала на подобное благополучие и не смела верить такому счастью. Она знала, что бережливый старик далеко не проживал в последние годы всего получаемого содержания и что у него образовался изрядный капитал, который обеспечил бы ее на всю жизнь... Неужели старик не шутит и оставит все ей?

Она бросилась целовать адмиралу руки и с хорошо разыгранной искренностью ответила:

- Что вы, голубчик барин? Зачем мне, вашей слуге? У вас есть дети наследники.

- Дети?! - воскликнул адмирал, хмуря брови. - А черт с ними! Они фыркают... я знаю... Недовольны, что я тебя приблизил... Говорят: "Старик из ума выжил"... Ну и я ими недоволен... Что следует, отдал им, а больше ни гроша!..

Ввиду такой перспективы, тем с большим терпением несла молодая женщина иго старческой привязанности и с большим старанием угождала старику и исполняла все его похотливые капризы, тщательно скрывая свое отвращение. Адмирал верил ее преданности и не замечал, что ловкая и хитрая фаворитка, несмотря на уверения в верности, его обманывает и разделяет свои ласки между старым адмиралом и его кучером Иваном, красивым, совсем молодым парнем, смутившим холодную натуру дебелой Настасьи. Нечего и говорить, что она умела хранить эту связь в строгой тайне, ожидая смерти адмирала, чтобы выйти замуж за Ивана и пожить, наконец, для себя, а не для прихоти "старого греховодника".

Адмиралу уже стукнуло восемьдесят девять лет. Сильно постарел он таки за последнее время! Он побелел как лунь и больше сгорбился. Его лицо, по-прежнему суровое, с старческим румянцем на щеках, было изрыто морщинами и высохло, имея вид мумии. Стальные глаза потеряли свой острый блеск и выцвели, но зубы его все были целы, голос звучал сильно, память была отличная, никаких недугов он не знал - только иногда чувствовалась слабость и позыв к дремоте - и по временам, в минуты гнева, напоминал былого, полного мощи, грозного адмирала. В такие минуты и сама Настасья испытывала невольный трепет и вспоминала старые рассказы дворни ветлугинского дома о расправе с Макридой, уличенной в неверности.

В его маленьком домике, почти за городом, по-прежнему царил образцовый порядок и все сияло безукоризненной чистотой, напоминавшей чистоту военных кораблей. Нигде ни пылинки. Нигде стула не на месте! Медные ручки и замки у дверей блестели, и полы (особенная слабость адмирала) были так же великолепны, как и корабельная палуба. В саду господствовал такой же порядок, как и во всем доме; и там, в маленькой пристройке, хранились под замком гроб и памятник, приобретенные адмиралом для себя несколько лет тому назад, когда ему пошел восемьдесят пятый год. Гроб был дубовый, без обивки и без всяких украшений, прочно сделанный, по заказу адмирала, кромка на кромку, и принятый им от гробовщика после нескольких исправлений и тщательного и всестороннего осмотра.

- Ты что же, каналья, гвоздей мало положил? - сердито говорил адмирал гробовщику, когда тот принес в первый раз свою работу. - И гвозди железные, а не медные, как я приказывал!..

Переделать! Да ручки чтобы покрепче, а то гляди, подлец!..

И с этими словами адмирал рванул ручку и поднес ее к самому носу ошалевшего мастера.

Памятник из темно-серого мрамора представлял собою небольшой обелиск с якорем, обвитым канатом, с другими морскими атрибутами внизу, утверждённый на гранитной глыбе. Сделан он был по рисунку, сочиненному адмиралом и, надо сознаться, не обличавшему большой художественности в авторе. При заказе памятника адмирал сильно торговался и заставил-таки монументщика сбавить цену на целых пятьдесят рублей.

- Куда прикажете ставить памятник? - любопытствовал мастер и осведомился насчет надписи.

- Прислать ко мне... Надпись после дам! - резко ответил адмирал, не входя в объяснения.

На памятнике была вырезана золотыми буквами следующая надпись, составленная адмиралом после многих переделок:

АДМИРАЛ

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ВЕТЛУГИН.

РОДИЛСЯ 10-ГО ГЕНВАРЯ 1786 ГОДА.

В ОФИЦЕРСКИХ ЧИНАХ БЫЛ 30 ЛЕТ.

В АДМИРАЛЬСКИХ ЧИНАХ БЫЛ...

СОВЕРШИЛ КРУГОСВЕТНЫЙ ВОЯЖ И СДЕЛАЛ

50 МОРСКИХ КАМПАНИЙ.

СКОНЧАЛСЯ... 18...

ВСЕГО ЖИТИЯ...

ПОСТАВЛЕН ИЖДИВЕНИЕМ АДМИРАЛА.

Предусмотрительный адмирал велел вырезать только две первые цифры года смерти, на случай, если умрет не в семидесятых, а в восьмидесятых годах, и в духовном завещании поручал душеприказчику дополнить недостающие на памятнике цифры. Гроб и памятник содержались в полном порядке, и адмирал лично за этим наблюдал.

XXI

Старик сохранил все свои прежние привычки. Как и прежде, он неизменно вставал в шесть часов, брал холодную ванну, пил кофе с горячими "тостами" и холодной ветчиной и, одетый к восьми часам в сюртук (а по праздникам в сюртук с эполетами), с орденом св. Александра Невского на шее и с Георгием в петлице, отправлялся, несмотря ни на какую погоду, на свою обычную прогулку, продолжавшуюся час или два и развлекавшую старика. Эти прогулки давали ему новые впечатления и кое-какое подобие деятельности, им же самим созданной от скуки безделья, в качестве добровольного наблюдателя за порядком и чистотой в городе. Губернатор шутя называл адмирала лучшим своим помощником, которого полиция боится более, чем его самого.

Но уж теперь адмирал не носился, как прежде, своей быстрой и легкой походкой, не зная усталости, - годы брали свое, - а шел тихим шагом и уже с большой черной палкой в руке, направляясь в базарные дни непременно к базару.

Все в городе знали высокую сгорбленную фигуру старого адмирала, строго и внимательно посматривающего по сторонам. Обыватели при встрече почтительно ему кланялись, дворники снимали шапки, а городовые вытягивались в струнку, провожая беспокойным взглядом грозного адмирала. В ответ адмирал кивал головой или прикладывал левую руку к козырьку фуражки. Заметив хорошенькую даму, адмирал, по старой привычке, приосанивался, выпячивал грудь и довольно крякал, прибавляя почему-то шагу. По пути он нередко останавливался около домов, где была грязь или не подметен тротуар, и грозил дворнику палкой, кидая ему своим резким сердитым тоном:

- Грязь... мерзость... Чтобы не было!

И шел далее.

Доставалось от него и городовым, и квартальным, и торговцам, у которых замечал недоброкачественные продукты. В особенности он донимал полицию.

Заметив беспорядки на улице, он энергично грозил палкой, а при какой-нибудь обиде, чинимой городовым обывателю, адмирал непременно вмешивался в разбирательство и грозно кричал:

- Небось, гривенника не дали?.. Мерзавец!.. Губернатору скажу!

И полицейские боялись, как огня, адмирала, всюду сующего свой нос. Еще недавно, благодаря Ветлугину, один частный пристав, отчаянный мздоимец, не только слетел с места, но был отдан губернатором за разные беззакония под суд. В качестве свидетеля, и самого беспощадного, на суде фигурировал сам адмирал. Во время следствия адмирал не соблаговолил пожаловать к следователю, а попросил его к себе на квартиру, но в суд явился в полной парадной форме, в звездах и орденах. Несмотря на любезное предложение председателя давать показания в кресле, нарочно принесенном для престарелого адмирала, адмирал отвечал на вопросы суда и сторон стоя и хотя чувствовал утомление, но преодолевал его, чтобы не показаться перед публикой, среди которой было много дам, немощным стариком. Он в первый раз был в новом суде, который до того сильно бранил, и внимательно дослушал все дело. После этого посещения адмирал, кажется, до некоторой степени примирился с новыми судами, хотя и находил, что прокурор и адвокат болтают много лишних пустяков и что взяточника-пристава наказали очень легко, сославши на три года в Архангельскую губернию.

- Ему бы, негодяю, арестантскую куртку следовало надеть для примера прочим! - говорил с сердцем адмирал. - Это был бы суд!..

- Законов таких нет, ваше высокопревосходительство! - деликатно возражал ему губернатор, вскоре после суда посетивший старика.

- То-то и скверно, что нынче таких законов нет, ваше превосходительство! А при покойном государе Николае Павловиче, значит, были. Я помню, как одного генерала - был он комендантом, - заслуженного, потерявшего ногу на Кавказе, - Николай Павлович разжаловал в солдаты за то, что тот обкрадывал арестантов. Так и умер солдатом. И поделом!

Губернатор, необыкновенно вежливый статский генерал, старавшийся быть всем приятным, снисходительно соглашался, чтобы не спорить со стариком, и терпеливо просиживал полчаса, выслушивая воркотню адмирала насчет общей распущенности, неуважения к властям и разных других зол, происходящих оттого, что "нынче никто не боится начальства".

Когда адмирал появлялся на базаре, торговки обыкновенно пересмеивались и тихонько говорили: "Старый черт идет!" Многие торговцы, завидя адмирала, прятали или прикрывали гнилой товар, зная, что он подымет историю. Городовые откуда-то появлялись на свет божий.

А старик медленно проходил в толпе по рядам, среди поклонов и приветствий базарного люда. Всякий там знал его. Адмирал, справляясь о ценах, смотрел мясо, дичь и рыбу, хотя ничего не покупал, спрашивал, откуда дичь и рыба, много ли в привозе, каков лов и т. п., пробовал черный хлеб и, если находил что-либо гнилым или несвежим, сердито замечал:

- Гнильем торгуешь, а? Понюхай-ка!

И, взявши гнилую рыбу, подносил ее к лицу торговца.

Обыкновенно тот клялся и божился, что рыба только что дала дух от жары, и откидывал ее в сторону, чтобы снова положить на место, когда старик уйдет.

Проходя мимо торговок, торгующих яйцами, молоком, бубликами и зеленью, адмирал нередко останавливался у смазливых баб и иногда вступал в разговоры.

- Как торгуешь, бабенка? Авдотья, кажется? - спрашивал адмирал, трепля ее по щеке рукой.

- Авдотья и есть, барин. А торгую, барин, плохо.

- Плохо? Зачем же плохо? Такой красавице стыдно торговать плохо. На вот тебе, молодка, на разживу.

С этими словами он давал ей новенький серебряный гривенник. Запас новой мелочи всегда был у него в кошельке.

Торговка благодарила и прибавляла:

- Черешенок купили бы, барин... Черешенки славные...

- Вижу. Повар уж взял.

- Он не у меня, барин, брал, а у Маланьи.

- Завтра у тебя возьмет.

И, ущипнув за подбородок молодую бабу, старик весело крякал и проходил далее, брезгливо обходя старых и непригожих торговок.

Побродив с полчаса по базару и непременно распушив кого-нибудь, адмирал возвращался домой, завернув по дороге иногда в лавку, чтобы купить лакомство или какуюнибудь обновку, и дарил Настасье.

Стараясь убить время до обеда, он придумывал себе разные занятия: сперва записывал в календаре происшествия утра со всеми мелочными подробностями, затем выдвигал ящики письменного стола и перебирал лежавшие там вещи и бумаги, осматривал платье в шкафу, заглядывал на минуту в комнату своей скучающей, заплывшей от жиру фаворитки, бродил по комнатам и глядел, все ли в порядке и на месте. Заметив, что кресло в гостиной стоит несимметрично, он его выравнивал. Во время таких осмотров обыкновенно доставалось лакею. Когда приносили газеты - все те же "Times" и "С.-Петербургские ведомости", - он надевал большие, в черепаховой оправе, очки, без которых уже не мог читать, принимался за чтение и нередко за чтением незаметно поклевывал носом в своем кожаном кресле.

Во время франко-прусской войны адмирал с большим интересом следил за событиями и особенно негодовал на бездействие французского флота.

- Вот и хваленые броненосцы! Никуда показаться не могут... Срам! нередко ворчал старый моряк.

И, случалось, бросал газету и ходил по кабинету, мечтая о том, как бы он разнес немцев с прежней своей щегольской эскадрой.

За морским делом он следил, продолжая им интересоваться, и часто бранил наш броненосный флот и новое поколение моряков. Прочитав в газете, что броненосец стал при выходе из Кронштадта на мель или столкнулся с другим судном, адмирал с злорадством повторял:

- Хороши моряки! Нечего сказать, управляютя! Мы с одними парусами ходили и не стучались друг с другом, не щупали дна, а ныне и с машинами ходить не умеют!.. Моря-ки! Позор!

Если не было гостя, приглашенного к обеду, Настасья обедала с адмиралом. Гости, впрочем, бывали очень редко. Раз или два в месяц адмирал приглашал обедать одного или двух постоянных своих партнеров: отставного старичка генерала и капитана первого ранга в отставке, Федора Ивановича Конотопца, который еще мичманом служил в эскадре Ветлугина. С этим моряком адмирал обращался, точно тот все еще был мичман, и третировал, как мальчишку, хотя этому "мальчишке" уже было около шестидесяти лет. И моряк не обижался и смотрел на адмирала, как на начальника. Особенно доставалось ему за картами.

- Срам-с, Федор Иванович!.. Были прежде бравым офицером, а играете, как сапожник.

- Я, ваше высокопревосходительство, полагал...

- А вы не полагайте-с... Он полагал... и дернул в чужую масть?.. А еще моряк... Стыдно-с! - сердито прибавлял адмирал.

- Виноват, ваше высокопревосходительство! - робко замечал добродушный Федор Иванович, трусивший, по старой памяти, грозного адмирала.

Этот же Федор Иванович, гулявший иногда по утрам с адмиралом, был неизменным и покорным слушателем его воркотни и его политических соображений и добродушно принимал на себя громы обвинений на молодых моряков, на которых, в лице старого Федора Ивановича, давно уже покинувшего службу, нападали старик, все еще видевший в своем покорном слушателе молодого человека.

- Черт знает, что у вас теперь делается! Ай да молодые моряки! Чай, и забыли, как поворот овер-штаг делать?

Федор Иванович, действительно забывший прежнее свое ремесло, добросовестно замечал:

- Это верно, ваше высокопревосходительство, - забыл.

- То-то и есть... Ни к черту вы не годитесь!

Кроме двух названных партнеров да еще третьего, начальника местной дивизии, адмирал ни с кем не водил знакомств, ограничиваясь лишь обменом визитами с губернатором да комендантом. Архиерея адмирал почему-то недолюбливал и бывал в соборе лишь в царские дни. В свою очередь, и преосвященный, человек очень строгой жизни, не благоволил к моряку и называл его "старым вольтерианцем, погрязшим в блуде". И они никогда друг друга не замечали при случайных встречах.

Когда по вечерам не было партии, старик пил чай в комнате у своей экономки и коротал с ней вечер, слушая ее болтовню или заставляя ее петь песни. А то играл с ней в дурачки по гривеннику партию, прощая всегда ей проигрыш. В десять часов Настасья укладывала адмирала спать, оставаясь подле него, пока он не засыпал.

В последнее время старик спал плохо, нередко просыпался в три часа, вставал, раскладывал

пасьянс или ходил угрюмый и скучающий, не зная что делать, по кабинету, ожидая, когда кукушка в столовой прокукует шесть раз, войдет слуга для обтирания и в маленьком домике начнется обычная жизнь.

XXII

Со своими детьми адмирал почти прекратил всякие сношения. Никогда особенно их не любивший, он под старость окончательно озлобился против своих близких и, казалось, забыл об их существовании. Даже к Анне, его прежней любимице, он охладел и, посылая ей ежемесячно деньги, не писал ни строчки. Анна лишь благодарила и уведомляла о получении. Сперва сыновья и дочери изредка еще писали отцу, но он не отвечал на письма, и переписка сама собою прекратилась. Никого из детей он не желал видеть, и никто его не навещал.

Одна только Анна, года через два после отъезда адмирала из Петербурга, просила разрешения приехать к нему погостить. Старик, после совещания с Настасьей, позволил и ко времени приезда дочери удалил экономку и запер ее роскошно убранную комнату на ключ.

Недолго прогостила Анна у отца. Присутствие дочери, видимо, раздражало адмирала, принужденного стесняться из-за нее и не видеть около себя любимой экономки. Анна, конечно, поняла, в чем дело. Эта запертая комната и разряженная, раздобревшая Настасья, которую Анна встретила как-то на улице, красноречиво свидетельствовали о роли экономки в доме. К тому же и все в маленьком городке громко говорили о скандальной связи старого адмирала и смеялись над ней, и эти слухи дошли до Анны, глубоко оскорбленной за память матери.

И она поспешила уехать.

Старик был, видимо, обрадован отъездом дочери и, прощаясь с нею, не выражал желаний когда-нибудь увидеться, а сухо проговорил:

- Будь здорова... Верно, уж не увидимся... Обо мне не заботьтесь... У меня есть преданный человек... А если вы там фыркаете... недовольны... то и фыркайте... Я поступаю, как хочу...

И, вдруг закипая гневом, прибавил:

- Твоя старшая сестрица Ольга Алексеевна осмелилась написать письмо... Советы дает, как жить, а?! Я ответил, что она дерзкая дура и чтобы никогда больше не смела писать... Дети?! Хороши дети! Никого не хочу знать! - неожиданно крикнул старик. - Так и скажи всем... Слышишь...

- Слушаю, папенька! - грустно проронила обиженная Анна.

Вскоре после ее отъезда адмирал получил известие, что первенец его, Василий, утонул на кронштадтском рейде, ехавши на берег на шлюпке под парусами в очень свежую погоду. Адмирал принял эту весть со старческим эгоизмом и не особенно печалился. Ему только было жаль, что достойный представитель Ветлугиных погиб для флота. Адмирал возлагал теперь надежды на младшего сына Сергея. Он поддержит честь имени Ветлугиных во флоте, и, таким образом, моряки Ветлугины не исчезнут.

Но надеждам старого моряка не суждено было сбыться. Молодой мичман, только что вернувшийся из кругосветного плавания, в котором пробыл пять лет вместо трех, извещал отца о своем намерении выйти в отставку и просил его разрешения, без которого высшее морское начальство не соглашалось уволить молодого офицера.

Это письмо привело в ярость грозного адмирала. Тон его был почтительный, но твердый, и старик теперь невольно припомнил, как несколько лет тому назад он был побежден щенком.

И это воспоминание еще более сердило его.

"В отставку... мерзавец!" - несколько раз злобно повторил старик и в бессильном гневе разорвал письмо на мелкие кусочки и плюнул на них.

Разумеется, он не отвечал на послание Сережи.

Прошло недели две, и от него снова было получено письмо, но на этот раз уже более настоятельное. "Если вы, папенька, не дадите разрешения, я устрою, что меня исключат. Хотите вы, чтобы офицера, носящего имя Ветлугина, выгнали из флота?" - писал между прочим Сережа, действуя на гордость и самолюбие старика.

Адмирал, зная, что этот "упрямый негодяй" исполнит угрозу, принужден был, с яростью в сердце, согласиться. Он написал об этом министру, а сыну отправил письмо, адресуя его без имени и отчества, просто: "Мичману Ветлугину", следующего содержания:

"Позора не желаю и против ветра плыть не могу. Черт с тобой, негодяй! Выходи в отставку и забудь отныне, что ты мой сын. Скотина!

Адмирал Ветлугин".

С тех пор он особенно невзлюбил строптивного Сережу, олицетворявшего в глазах старика ненавистный ему "дух времени".

Таким образом обрывались отношения между адмиралом и его детьми.

Один лишь Гриша неизменно и аккуратно писал отцу, поздравляя его с каждым большим праздником и с днями рождения и именин. И, несмотря на то, что не получил от адмирала ни одного ответа, Гриша все-таки продолжал посылать ему почтительно-покорные письма, не забывая сообщать в них о своих быстрых служебных успехах. В этом году он собрался жениться и неожиданно приехал в город N чтобы получить папенькино благословение. Остановился Гриша не у отца, а в гостинице, тотчас же собрал справки и узнал, что есть духовное завещание в пользу Настасьи и что у отца в банке около пятидесяти тысяч. Гриша нахмурился, выругал про себя папеньку и, облачившись в мундир, отправился в маленький домик адмирала.

XXIII

Старик дремал с газетой в руках у себя в кабинете, когда к крыльцу подкатил в извозничьем фаэтоне красивый молодой полковник с аксельбантами. Лакей, никогда не выдавший молодого Ветлугина, доложил, что адмирал почивает у себя в кабинете.

- Ничего, ничего, братец... я подожду... Скажи-ка Настасье Ивановне, что Григорий Алексеич приехал. А то, еще лучше, я сам пойду к папенькиной экономке... Где она?

И с этими словами Гриша прошел в ее комнату, указанную слугой.

- Здравствуйте, Настя... Не узнали? - ласково и необыкновенно приветливо заговорил он, протягивая руку молодой экономке.

Та в первую минуту, при виде молодого барина, испугалась и была смущена.

- Не узнали, постарел, видно? - продолжал Гриша и, взяв за руку Настю, притянул ее к себе и троекратно с ней поцеловался. - Какая же вы стали хорошенькая, - прибавил он, оглядывая молодую женщину своими большими голубыми глазами.

- Что вы, барин! - промолвила Настя, краснея от удовольствия. - Да что ж вы сюда...

Пожалуйста в гостиную...

- Я у вас посижу, пока папенька спит... У вас тут славно...

Гриша присел, усадив все еще смущенную Настасью, и в несколько минут, очаровал ее своим обращением. Она думала, что он и говорить-то с ней не станет, а между тем этот красивый полковник говорил с ней, как с ровней. Он расспрашивал об отце, поблагодарил, что она бережет старика, и сообщил ей, что собирается жениться и заехал на день, на два, чтобы попросить папенькиного благословения.

Настасья вызвалась сейчас же доложить адмиралу о приезде Григория Алексеича. Барин не спит... так дремлет.

Они вышли вместе. Гриша снова повторил, что Настя похорошела, и, весело разговаривая, они вошли в столовую.

Адмирал между тем перестал дремать и, услышав голоса, показался на пороге кабинета. Увидев Гришу вместе с экономкой, он удивленно и без особенной радости взглянул на сына и строго спросил:

- Ты как сюда попал без моего разрешения?

Гриша подбежал, чтобы поцеловать руку отца, которую тот поспешил отдернуть, и стал извиняться, что приехал не предупредивши. Он был поблизости в деревне у родителей девушки, на которой он хотел бы жениться, и приехал просить благословение отца. Не желая беспокоить папеньку, он остановился в гостинице, тем более, что может пробыть только день или два.

- Не угодно ли вам, барин, покушать чего-нибудь с дороги или кофею? спросила Настя.

- Спасибо вам, милая Настенька. Ничего не хочу! - отвечал с приветливой улыбкой Гриша.

Обращение сына с экономкой, видимо, понравилось старику, и он уже с меньшей суровостью проговорил:

- Будешь обедать у меня... Не взыщи, чем бог послал!..

И позвал его в кабинет со словами:

- Ну, расскажи, на ком ты женишься... Вижу: по службе хорошо идешь!

Гриша обстоятельно все рассказал; партия была приличная, и старик заметил:

- Что ж, женись... Очень рад!

В течение часа до обеда Гриша не переставал занимать старика. Он рассказал ему много новостей и между прочим, как бы невзначай, сообщил, что адмиралы Дубасов и Игнатьев недавно получили по пять тысяч десятин в Самарской губернии.

- Вот бы и вам, папенька, получить...

- Разве дают?

- Как же, всем заслуженным лицам дают.

Настя не обедала с Ветлугиными. Обед прошел, по обыкновению, быстро и в молчании. После обеда Гриша, простившись с отцом, попросил позволения зайти проститься с Настасьей...

Это опять-таки очень было приятно старику.

На другой день Гриша уехал из N, получив от отца, вместо образа, полторы тысячи. Столь щедрым подарком Гриша был всецело обязан Настасье. При прощании он снова, как бы вскользь, напомнил о земле в Самарской губернии, рассчитывая, что после смерти отца пожалованное имение достанется сыновьям.

Но расчеты предусмотрительного Гриши не оправдались. Действительно, адмирал вскоре написал в министерство письмо, в котором просил министра ходатайствовать о пожаловании ему, по примеру прочих, земли, но только в N-ской губернии. Когда министр ему ответил, что казенные земли в N-ской губернии раздаче не подлежат, а что может быть пожалована лишь земля в Самарской или Уфимской губерниях, адмирал ответил, что там земли не желает.

- Что, не удалась дипломатическая поездка, мой высокопоставленный братец? - подсмеивался потом Сережа, встретившись с братом на родственном обеде у одной из сестер. - Самарская-то земляца тю-тю!

XXIV

Месяца через четыре после посещения Гриши адмирал, проснувшись однажды, почувствовал такую слабость, что не взял холодной ванны и не пошел на прогулку.

Так прошла неделя. Старик, видимо, слабел, терял аппетит и целые дни дремал. На предложения экономки послать за доктором он отвечал отказом.

Наконец уж он не мог вставать с постели. Тогда только он велел к вечеру послать за доктором.

Врач внимательно обследовал старика: слушал сердце, выстукивал грудь, осматривал опухшие ноги и, прописав лекарство, сказал, что зайдет на следующее утро.

- Что у меня? - спросил адмирал.

- Ничего особенного... Так, общая слабость...

- Говорите прямо. Я не боюсь смерти! - строго промолвил старик. Опасен?

- Опасны, ваше высокопревосходительство!

Действительно, адмирал совсем осунулся. Черты его землистого лица заострились, и печать смерти уже лежала на нем.

Адмирал сделал движение головой в знак благодарности.

Доктор вышел, приказал послать за лекарством и предупредил экономку, что адмирал очень плох.

Ночью старик поминутно просыпался. Не отходявшая от него Настасья давала ему лекарство. Он принимал его неохотно, и, когда экономка говорила, что это ему поможет, адмирал отрицательно шевелил головой и отвечал:

- Глупости!..

К утру адмирал совсем ослабел. Он с большим трудом мог повернуться на другой бок и сердился, когда Настасья хотела помочь ему.

- Не надо. Сам могу! Оставь!

В восемь часов утра, выпив горячего кофе, он велел попросить к себе Федора Ивановича, который был его душеприказчиком, и губернатора.

Когда явился Федор Иванович, адмирал произнес:

- Умирать, братец, пора...

- Что вы, ваше высокопревосходительство. Еще проживем-с!

- Вздор! - сердито ответил старик.

В это время вошел доктор. Он снова выслушал адмирала и хотел было выстукивать его высохшую желтую грудь, но старик, морщась, сказал:

- Не надо. Довольно!

Врач незаметно вызвал из спальни Федора Ивановича и сказал, что старику жить несколько часов, не более.

- Какая у него болезнь?

- Старость, - ответил доктор. - Сердце почти не работает.

Когда Федор Иванович вернулся, адмирал сказал ему:

- Доктору за два визита пять рублей!

Вскоре приехал губернатор.

- Что это, ваше высокопревосходительство, захворать вздумали? веселым тоном начал было деликатный губернатор.

- Умирать-с вздумал, - резко перебил адмирал. - Прошу извинить, что беспокоил ваше превосходительство...

Он сделал знак экономке, чтобы вышла, и продолжал:

- Прошу, ваше превосходительство, переслать вот этот пакет, после моей смерти, морскому министру! - указал глазами адмирал на большой запечатанный пакет, лежавший на столике, около кровати. - В нем моя записка о флоте и собственноручное письмо ко мне Нельсона, когда я служил у него на эскадре. И насчет пенсии дочери, - прибавил он.

Губернатор взял пакет и молча поклонился.

- Все, что после меня останется: деньги, имущество, я завещал экономке... Федор Иваныч душеприказчик. Буду просить ваше превосходительство, чтобы ее на первых порах не обидели, чтобы никого в дом не пускали... особенно сына Григория...

Губернатор обещал оказать свое содействие.

После минутного молчания, видимо уставший, старик снова заговорил довольно твердым голосом:

- Хоронить меня попрошу со всеми почестями, подобающими полному адмиралу. Впереди должны нести мои флаги: контр-адмиральский, вице-адмиральский и адмиральский... Они все стоят в зале. Затем ордена... Федор Иваныч знает порядок.

- Все будет исполнено, ваше высокопревосходительство...

- Гроб, могила и памятник давно готовы... На похороны деньги отложены... Федор Иваныч! Посмотри-ка в правом верхнем боковом ящике в письменном столе.

Федор Иванович вышел в кабинет и скоро вернулся с конвертом, на котором крупным стариковским почерком было написано: "На мои похороны".

- Тут шестьсот рублей... больше не тратить, Федор Иваныч... Хоронит меня пусть приходский поп. Архиеерея не нужно... Слышите, Федор Иваныч?

- Слушаю, ваше высокопревосходительство!

- Ну, теперь все, кажется... Покорно благодарю, ваше превосходительство, за внимание, - проговорил адмирал, протягивая из-под одеяла сморщенную побелевшую руку.

Губернатор дотронулся до холодеющей уже руки адмирала и, повторив обещание исполнить все его распоряжения, ушел, обещав завтра навестить его высокопревосходительство.

Старик закрыл глаза и, казалось, дремал.

Тогда в кабинет вошла Настасья, вся взволнованная, со слезами на глазах (она слышала весь разговор, стоя у дверей), и, приблизившись к постели, проговорила:

- Голубчик барин, не хотите ли причаститься... Бог здоровья пошлет.

Адмирал ни слова не ответил.

Она повторила просьбу. Адмирал недовольно взглянул на свою фаворитку потускневшими глазами и снова опустил веки.

Через четверть часа он открыл глаза и слабым голосом произнес:

- Сегодня на почту придут деньги, Федор Иваныч... Жалованье и аренда за треть...

- Точно так, ваше высокопревосходительство...

- Нельзя ли оформить, чтобы и это Настеньке, а не детям?

- Уж поздно, ваше высокопревосходительство.

- Жаль... жаль... - коснеющим языком пролепетал старик. - Так пусть одной Анне... Ну, ступайте... Подремлю, - прибавил он чуть слышно и закрыл глаза.

Федор Иваныч и Настасья вышли за двери.

Когда через несколько времени они заглянули в спальню, грозный адмирал уже заснул навеки с спокойно-суровым выражением на лице.

Кукушка в столовой прокуковала три раза.

1891